

Владимир Сорокин

Доктор Гарин

роман

ул. Акиры Курошан д.17
Хабаровск, 68004
Дальневосточная Республика
doctorgarin@doctorgarin.dvr

Владимир Георгиевич Сорокин

Доктор Гарин

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64854997

Доктор Гарин: Издательство АСТ: CORPUS; М.; 2021

ISBN 978-5-17-136253-9

Аннотация

Десять лет назад метель помешала доктору Гарину добраться до села Долгого и привить его жителей от боливийского вируса, который превращает людей в зомби. Доктор чудом не замёрз насмерть в бескрайней снежной степи, чтобы вернуться в постапокалиптический мир, где его пациентами станут самые смешные и беспомощные существа на Земле, в прошлом – лидеры мировых держав. Этот мир, где вырезают часы из камня и айфоны из дерева, – энциклопедия сорокинской антиутопии, уверенно наделяющей будущее чертами дремучего прошлого. Несмотря на привычную иронию и пародийные отсылки к русскому прозаическому канону, “Доктора Гарина” отличает ощутимо новый уровень тревоги: гулаг болотных чернышей, побочного продукта советского эксперимента, оказывается страшнее атомной бомбы. Ещё одно радикальное обновление – пронзительный лиризм. На обломках разрушенной вселенной старомодный доктор встретит, потеряет и вновь обретёт свою единственную любовь, чтобы лечить её до конца своих дней.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	131
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Владимир Георгиевич Сорокин Доктор Гарин

Голос Зрения. Его губы принимают вкрадчивое выражение.

Голос Слуха. Он снова спрашивает: “Как ваше здоровье?”

Велимир Хлебников. Госпожа Ленин

*– Я люблю вас, доктор, – прошептала она.
Антон Чехов. Цветы запоздалые*

© Владимир Сорокин, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2021

© ООО “Издательство АСТ”, 2021

Издательство CORPUS ®

Часть первая

Санаторий “Алтайские кедры”

*Любезный и временно далёкий друг мой,
многодосточтимый Платон Ильич!*

Ни на секунду не сомневаясь в том, что времена наши пожрутсЯ мраком забвения под натиском немилосердных стихий, тешу себя утопической надеждою, что письменные свидетельства о нынешнем времени всё-таки переживут его. Не осуждайте же мою капризную настойчивость, ибо временами я чувствую себя если не Страбоном, то уж непременно новым Пименом, и с этим решительно ничего нельзя поделать. Я обязан свидетельствовать. О прошлом. О будущем. И о настоящем.

Сперва отвечаю на человеческий вопрос Ваш: живётся мне по-прежнему здорово, глухо и смирно, но совсем недурно в тени роскошного и монументального фейерверка кровавой грязи, который здесь бьёт и бьёт, вовсе не собираясь иссякать. Белые бомбомёты, мокрые ремингтонисты, коммунистические капиталисты, жох и ничка, чэжуанишипинь, мокрая шпана, полька с ходом, старые убийцы, поперечный аэропиль, бас Шаляпина и художественный свист Сюй Моу

в небе московском – всё это навеки с нами и по сей час. Как старый моллюск, я благодарю свою толстую раковину. Она позволяет мне быть спокойным и не кривлять тело в вынужденных прогибах. А также вовремя уползать окорочь в мой любимый приграничный Сокольнический лес, который, слава Богу, ещё не весь изрублен на гробы.

Вам полезен крепительный воздух Алтайских гор, мне же – шум подмосковного леса.

Чашка цикория на завтрак, цыплятина на обед, ломоть тёплого хлеба с козым маслом, сбитым моей любимой женой, да ромашковый чай с нашим же мёдом на ужин – что ещё надобно писателю сверх этого?!

Моя изъеденная шашелем конторка “безнадёжного, но до омерзительности неутомимого дилетанта” (как выразился наш беспощадный критик Вульфсон) ещё не развалилась, рука держит гусиное перо, а ноги – тело.

Хорошо известный Вам жёлтый портфель мой пополняется.

Итак, ни на йоту не обинуясь, спешу сообщить, что за последние трое суток никаких землетрясительных событий в Московии не произошло. Расстрелы пока прекращены. Слава Богу! Меня по-прежнему не печатают. Увы! Но я помню Ваши мудрые слова, коими Вы напутствовали меня при выписке из Вашего сверхчудодейственного санатория: “Не стирайте надежду. Надежда – не одежда”. Вы всегда изъяснялись сверхмудрыми загадками-пословицами, ко-

которые я разгадывал позже. Прошли эти месяцы, и разгадалось Ваше алтайское напутствие: настоящая надежда пообноситься не может, её невозможно снять, выстирать и надеть снова. Ибо, как только ты её снял – перестал надеяться! И это уже не надежда, а одежда. Подлинную надежду надобно и грязенькой любить! Так что я свою надежду в прачечную нести не собираюсь. Надеюсь, надеюсь и буду надеяться.

Вот, собственно, и все новости.

Чувствую себя я вполне. Приступов нет. На Глашу с пресс-папье не бросаюсь. Недотыкомок не видашь. Так что на *fortissimo vivacissimo* моей выписки из Вашей обители здоровья я совершенно не сержусь. В нашем безумном и гнойно-весёлом мире и не такое случается. Три с половиной месяца вместо шести – вполне для моей психосомы.

Засим остаюсь вечным и верным другом Вашим, неизменным поклонником Вашего эскулапского таланта, преданнейшим литературным моллуском со своим жёлтым портфёлем,

Евсей Авиодорович Восков.

Р. S. Позвольте ещё раз сердечно поблагодарить Вас за моё выздоровление. За ваш метод, за психиатрический гипермодернизм. Этого я не забуду никогда, помирать стану, а доктора Гарина с его *blackjack* вспомню.

Р. Р. S. Позвольте также присовокупить к письму

несколько глав моего нового весёлого, человеческого (и уже многострадального!?!) романа. Буду чрезвычайно рад отзыву, даже самому беспощадному.

Гарин провёл пальцем с прокуренным ногтем по голограмме письма, висящего в утреннем солнечном воздухе над его рабочим столом. И пополз текст романа:

Евсей Восков

MILK'N'ROLL,

или

ЗАЧЕМ ТЕБЕ АМЕРИКА, ДЖОННИ?

роман

I

26 марта 1953 года несравненный в своей решительности Лаврентий Берия арестовал и расстрелял омерзительных, окончательно и бесповоротно окостеневших в позднебольшевистской мизантропии и неменяемости Хрущёва, Жукова, Ворошилова, Молотова, Кагановича и объявил Новый НЭП.

К тому смутному времени в высшей степени добропорядочная и по-настоящему богобоязненная семья Бобровых тихо и скромно проживала в своей безнадёжно уютной деревеньке Ропишино, что на Пахре. Новые идеи дунули из Кремля подобно ветру весеннему. Измученная послевоенной, болезненной и беспросветной в своем убожестве колхозной жизнью, семья Петра потянулась к этому ветерку великих перемен, подобно первым подснежникам.

— Молоко... — произнёс Пётр, зайдя в недавно и с такими нечеловеческими мучениями подновленный хлев и глядя на тощую корову Дочу, жующую подгнившее сено.

В полутьме хлева, наполненного густым и живительным запахом навоза, ему пришло в голову простое и ясное: скооперировавшись с братьями Иваном, Фёдором и Павлом, с шурином Хапишкой, взять ссуду в Сберкассе, купить двенадцать коров, пару битюгов, сенокосилку, маслобойку, делать масло, творог, сливки, сметану и продавать в Москве...

В то же самое время в далёком Канзасе молодой человек привлекательной наружности по имени Джонни Уранофф, сидевший с гитарой у телевизора и слушающий новости из далёкого СССР, вдруг замер, словно укушенный назойливой, опасной и бесцеремонной канзасской осой, отложил гитару и со всех своих молодых, бодрых и бескомпромиссных сил хлопнул себя по коленкам:

— Рок-н-ролл!

Палец Гарина закрыл приложение и письмо.

– Ежи ножи не точат, – пробормотал он и откинулся на спинку удобного *умного* кресла, которое тут же задвигалось и заурчало под массивной спиной доктора, принимая нужное утреннее положение и начиная массаж.

Гарин распечатал новую коробку папирос “Урал”, взял папиросу, постучал гильзой по коробке, впихнул папиросу в свои большие губы, имеющие неизменно жабье и недовольно-плаксивое выражение, зажѐг спичку, закурил и, выпуская дым, сильнее откинулся в урчащем под ним кресле.

Надел пенсне на большой нос с сетью лиловых прожилок, глянул в широкое тройное окно. Залитый утренним солнцем кедровый бор отсюда, со второго этажа санатория, радовал вечно заплывшие глаза Гарина. Он курил, шумно и с наслаждением втягивая и выпуская дым. Бледно-голубое апрельское небо на востоке было смазано, словно растопленным сливочным маслом, еле заметными перистыми облаками. Через приоткрытое окно из бора долетали голоса токующих дроздов.

Массивной рукой Гарин сгрѐб со стола пустую папиросную коробку и швырнул в урну. С коробкой в урну был выброшен и вчерашний день – суматошный, длинный, утомляющий, не принѐсший удовлетворения.

– Тѐплое – не холодное...

Докурив папиросу и дождавшись завершения массажа,

Гарин встал и подошёл к окну. Раскинувшийся во всём великолепии залитый солнцем бор почти сплошь состоял из кедрача; редко темнели в нём ели да светлели берёзы с каплями набухших, позеленевших почек. За лавиной уходящего вдаль бора синели и белели снегами Алтайские горы.

– Весна пришла, но смерть не нашла... – пробормотал он и привычным движением щёлкнул по оконному стеклу своим крепким ногтем.

Весна в этом году была ранней, даже слишком ранней. Снег сошёл уже на первое апреля, лишь в бору он кое-где виднелся; вокруг валунов из мха и старой травы вылезли подснежники, белая ветреница и лиловый кандык; почки на кустарниках лопались. И дрозды, дрозды захватили бор. Их утренний ток перекрывал и далёкое чufыркaнь тетерева, и сочное щёлкaнь редких соловьёв, и одинокий голос кукушки.

Гарин подошёл к столу, нажал кнопку старомодного, ещё советской эпохи селектора.

– Слушаю, Платон Ильич, – раздался голос сестры-секретарши.

– Маша, выход.

– Ждём вас.

Он пересёк свой просторный кабинет, открыл платяной шкаф, где висели его пальто тёмно-коричневого кашемира, серый костюм и белый халат. Надел халат, застёгиваясь, пошёл к зеркалу, напевая: “Нет, не тебя так пылко я люблю”.

Зеркало отразило главврача санатория “Алтайские кедры” Платона Ильича Гарина во весь его внушительный рост: высокий, полный пятидесятидвухлетний мужчина с выбритым черепом, массивным брылястым лицом и большой бородой, уже слегка тронутый сединою. Усы, как и голову, доктор Гарин брил. На большом и упрямом носу блестело золотое пенсне, цепочку от которого он неторопливо пристёгивал к пуговице халата белыми и толстыми, как баварские телячьи сардельки, пальцами. Закончив, осматривая себя заплывшими глазами, он огладил халат, сунул руки в глубокие карманы, нащупав в одном из них зажигалку, в другом – сандаловые чётки. И качнулся на титановых ногах, матово сияющих в солнечных лучах под халатом, обутых в светло-коричневые ботинки. Во вверенном ему санатории доктор Гарин принципиально не носил брюк, не скрывая своих титановых нижних конечностей. И на первые деликатные вопросы коллег отвечал лаконично:

– Die ewige Erinnerung¹.

Больше вопросов не было.

Гарин круто развернулся, подошёл к стене с картой Республики Алтай, утыканной разноцветными булавами, глянул на старый немецкий барометр, показывающий хорошую погоду. И снял с гвоздя короткую, с пивную бутылку, чёрную резиновую дубинку blackjack с утолщением на одном конце и кожаной петлей на другом. Продел левую руку в петлю и

¹ Вечное напоминание (нем.).

вышел из кабинета в коридор. Размашисто двинулся по нему в сторону светлого холла, постукивая дубинкой себя по бедру. Титановые ноги его шагали без какого-либо специально-го звука.

В холле на бежевых диванах сидели двое врачей, трое медсестёр и двое рослых санитаров. Все они сразу встали, завидя приближающегося Гарина.

– Доброе утро, господа! – громко приветствовал их Гарин издали.

– Доброе утро, Платон Ильич! – ответили медики.

Гарин подошёл, протянул руку врачам, они пожали её с лёгким деловым поклоном. Медсёстры сделали книксен, санитары поклонились.

– Похоже, погода нам по-прежнему благоприятствует! – заговорил Гарин своим громким рокочущим голосом, в котором, впрочем, было что-то затаённо-испуганное, словно он сам пугался своего решительного голоса.

– Весна опережает свой график ровно на месяц, – улыбнулся старший из врачей, Андрей Сергеевич Штерн, высокий, сутулый, худой, как жердь, с дынеобразной лысоватой головой и вытянутым, словно верблюжьим лицом с оттопыренной нижней губой.

– Гусиный лук зацвёл, – доложила доктор Пак, субтильная женщина в квадратных очках и с мужской короткой стрижкой. – Невероятно!

– Весна-красна нам на радость, – улыбалась старшая мед-

сестра Ольга, полноватая приветливая блондинка. – Весной веселее, чем зимой, ведь правда?

– Веселее! – зарокотал Гарин. – Особенно – дроздам!

– Спать не дают решительно, – покачала красивой головой чернобровая и быстроглазая сестра-секретарша Маша с неизменно высокомерным выражением смуглого лица. – Четвертую ночь сплю с берушами.

– Дроздовое нашествие! – Гарин стукнул себя по ноге. – Инвазия! Прободение соснового бора! Кто не рад? Кто против? Все рады!

– А весеннее обострение? – страдальчески улыбнулся ему Штерн, выставляя вперёд нижнюю губу, словно умоляя. – У троих уже началось. И раньше обычного.

– Ангела? Джастин? – Гарин сверкнул на него пенсне.

– И Синдзо.

– Синдзо? Не ожидал!

– Да, вроде самый аспонтанный.

– Аспонтанность, дорогой доктор Штерн, это не муха в янтаре! – Гарин громко стукнул себя по титановой коленке. – Приму его первым после завтрака! Ну-с, пойдёмте, пойдёмте!

Он направился к широкой лестнице из алтайского розовато-жёлтого мрамора и стал подниматься по ней, постукивая blackjack'ом по перилу. На втором этаже санатория располагались палаты, которых всего в элитном санатории “Алтайские кедры” было тридцать две. Но в эту необычную весну в

них находилось всего восемь пациентов. Санаторий был снят ими на полгода целиком столь быстро и неожиданно, с таким финансовым предложением, с таким административным нажимом республиканских властей, что владельцу санатория пришлось временно закрыть глаза на свою репутацию и на репутацию этой уже довольно известной здравницы. Пациентов предыдущих пришлось со скандалами выписать.

Двенадцать палат люкс располагались в правом крыле, куда медики прошли по коридору, увешанному пейзажами алтайских импрессионистов.

Санитар постучал в дверь палаты № 1 и остался снаружи, как и его партнёр. Остальные вошли в палату. Она была просторной, светлой, двухкомнатной, с большими окнами, уютной двуспальной кроватью, гостиной с кожаными креслами, видеомузыкальным центром, аквариумом, комнатными растениями и ванной комнатой, дверь в которую была открыта. Пациент восседал на унитазе и чистил зубы.

– Good morning, Donald! – Гарин заглянул в ванную.

Своей четырёхпалой рукой пациент вытащил зубную щётку из огромного рта, смачно сплюнул на пол и произнёс глубоким, утробным фальцетом:

– Heavens to goddamn Betsy, it is a good morning!² – Sleeping? Feeling? Appetite? – Гарин перешёл на свой простейший английский.

Пациент сунул щётку в рот и продолжил чистку зубов.

² Охрененно-добропроклятое утречко! (амер. англ.)

– Complaints? Wishes?

Пациент громко и протяжно выпустил газы, оторвал туалетной бумаги, подтёрся, ткнул пальцем без ногтя кнопку спуска воды, плюхнулся на кафельный пол, прошёлся по нему на мясистых белых ягодичах к стоящему напротив раковины стулу, ловко подпрыгнул на ягодичах и уселся на стул. Не обращая внимания на Гарина и свиту, он вытащил щётку изо рта, глотнул воды из стакана, отвратительно громко прополоскал огромный рот и пустил в зеркало мутно-белую струю. Подождав, когда его отражение проступит сквозь муть, он улыбнулся себе и произнёс: – Hi, Donald!

Вытянул из коробки бумажную салфетку, вытер ею то, что можно было назвать лицом, скомкал, бросил на пол, схватил флакон с дезодорантом и принялся обильно прыскать на то, что можно было назвать телом. Пациент по имени Дональд представлял собой большую белую задницу, окраплённую местами россыпью мелких рыжих веснушек. В верхней части задницы был огромный губастый рот, подобие плоского носа с ноздрями и широко посаженные, вполне красивые глаза раз в пять больше человеческих. Из круглых боков задницы вытягивались две тонкие, гибкие четырёхпалые руки. Спереди внизу на месте полового органа у пациента было пусто и гладко.

Остальные семь элитных пациентов санатория физиологически были устроены точно так же. Их задницы отличались только формой и оттенками кожи, глаза – длиной и цве-

том ресниц, цветом роговицы. У Дональда ресницы были светлые, а глаза – голубые.

Закончив опрыскивать себя, он повернулся к Гарину:

– See you later, doc! Karasho?

– Хорошо! – удовлетворённо кивнул Гарин и вместе со свитой вышел из палаты.

– Стабилен! – произнёс он на ходу, и Маша сделала зелёную пометку в прозрачном планшете.

– Бурбона нет в номере, – доложил один из санитаров.

– Good! – стукнул себя по коленке Гарин.

Санитар постучал в палату № 2 и тут же открыл её. В санатории у палат не было замков. Гарин вошёл в номер:

– Buongiorno, Silvio!

Пациент с загорелой, холёной кожей лежал в постели, укрывшись одеялом, курил и смотрел голограмму с обнажёнными, купающимися под водопадом девушками. Завидя главврача, он потушил голограмму, сунул сигарету в пепельницу, скинул одеяло, прыгнул на пол, стремительно подбежал на ягодицах к Гарину и прыгнул ему на грудь:

– Buongiorno, signor dottore!

Гарин привычно подхватил его, уже зная повадки Сильвио. Тот чмокнул Гарина в бороду, засиял радостной улыбкой и, не дожидаясь вопроса Гарина, ответил:

– Fine, fine, I'm always fine!

По-английски он говорил так же, как и главврач.

– Sleeping? Feeling? Appetite?

– Eccelente!

– Complaints? Wishes? – Гарин чувствовал его тёплые, шершавые, местами обвислые ягодицы.

– No complaints! Only wishes! But you know everything about my wishes, signor dottore! – Сильвио захохотал Гарину в бороду.

– Ох знаю, знаю! – засмеялся Гарин и деликатно поставил пациента на пол, склоняясь над ним, как Саваоф. – Желания у пациента – прекрасно! Значит, всё идёт хорошо. Только прошу, дорогой мой, не забывайте про ваш рефлюкс. Белое вино вечером – нет! Сладкое вечером – нет! Жирное – нет!

– Рефлюкс! Я бы так хотел забыть про него! Помню, чёрт его побери! Поэтому вечером – только бокал красного, не больше, не больше, signor dottore! К местному сладкому я и вовсе равнодушен. Какое сладкое сравнится с cannoli моей покойной мамы?! Кто в мире теперь способен сделать такие cannoli? Никто! Со смертью моей мамы мир изменился в худшую сторону, вы это знаете лучше меня, дорогой мой!

– Но мы должны идти вперёд, Сильвио.

– С наглой рожей и оптимизмом! – захохотал тот и прыгнул на кровать. – Что ещё остаётся? Пропустим сегодня по стаканчику на ланче?

– По полстаканчика.

– D'accordo!

– Вы правда хорошо спали?

– Превосходно!

– Мы рады за вас.

– Док, вы, ваши помощники, сёстры – все замечательные! – Сильвио послал свите Гарина воздушный поцелуй. – Мне нравится здесь всё больше!

– Мы очень рады, – улыбнулась ему Пак.

– Наш санаторий уникален, – оттопырил губу Штерн.

– Bravo!

– Хорошего вам дня! – Гарин повернулся к выходу, но Сильвио схватил его за полу халата.

– Signor dottore, please, blackjack!

И повернулся задом.

Гарин направил свой blackjack на левую ягодицу Сильвио. Бело-голубоватые электрические молнии с треском впились в ягодицу.

– O, Dio!! – возопил Сильвио.

Гарин направил blackjack на правую ягодицу и пустил в неё разряд.

– Porca Madonna!! – завопил Сильвио на всю палату.

– Будьте здоровы! – произнёс главврач по-русски, перестав.

Сильвио повалился на кровать, перевернулся и, протянув руки, показал два больших пальца, сжав оставшиеся три в кулачок. Отдышавшись, он сел:

– Это... великое. Великое! Лучше всех лекарств мира! Signor Garin, вы гений! Ничто так не прочищает с утра мозги, как ваш blackjack!

- Благодарю вас! – поклонился Гарин и вышел из палаты.
- Стабилен! – бросил он Маше.

Пациент палаты № 3 лежал в постели, накрывшись одеялом до глаз. Но не спал. На вошедших врачей он никак не отреагировал. Не ответил он и на утреннее приветствие Гарина. Главврач присел к нему на кровать, отодвинул одеяло, положил руку на место лба больного.

– Температуры нет, я здоров, – проговорил пациент, глядя мимо Гарина.

- What happened, dear Justin?

Гарин взял его тонкую руку, щупая пульс.

- Уверен, что и пульс нормальный.

- Слегка замедлен. Что вас тревожит?

- Сны. Сны...

- Опять?

- Да.

- Я приму вас после завтрака. Обсудим. Примем решение.

– Я могу и сейчас рассказать. – Джастин закинул гибкие руки на подушку. – Секретов нет. Это связано с местным грязелечением.

– Алтайская иловая грязь – великая сила. – Гарин снял пенсне, заглядывая в красивые карие глаза пациента.

- Вот-вот. Я именно так и говорил им.

- Кому?

– Парламентариям. Я выступил с новой инициативой обязательного поголовного грязелечения всего населения стра-

ны. Признаться, это была одна из самых убедительных моих речей. Я говорил... как я говорил! Давно так не говорил... С таким воодушевлением, хорошо, сильно, обстоятельно, не занудно. Какие аргументы я привёл! Я говорил о здоровье нации, о новых перспективах, которые откроются для всех граждан после грязелечения. О стариках, которые обретут новую жизнь, о молодёжи, которая будет самой здоровой в мире. О женщинах, которые будут рожать только здоровых детей. О последующем подъёме промышленности, об экономическом рывке, о расцвете страны, о фантастических новых перспективах, о всеобщем благоденствии, о счастье. Парламент слушал меня, затаив дыхание. Я всегда прекрасно чувствую аудиторию, перед которой выступаю. Они слушали меня, замерев. Это было... замечательно. Я закончил речь, провозгласив: нас всех ждёт счастье! Но вместо бурных аплодисментов... вместо аплодисментов... вместо этого... – голос Джастина задрожал, – вместо... ожидаемого...

– Не волнуйтесь, дорогой мой. – Гарин гладил его руку.

– Вместо аплодисментов... они расхохотались. Они... они... подняли меня на смех!

Пациент разрыдался. Из больших глаз его хлынули слёзы. Гарин гладил его. Свита стояла молча.

Выплакавшись, Джастин зашмыгал носом, к которому Гарин тут же приложил бумажную салфетку. Пациент высморкался, тяжело вздохнул:

– Затем поднялся лидер зелёных и сказал: дамы и господа,

вы сейчас убедились, насколько наша власть оторвалась от народа. И все ему заплодировали. Ему, этому бездарному популисту, а не мне. Тогда я сказал: я не понимаю вас. Ах, не понимаете? Тогда протрите свои глаза, господин премьер, и ступите на этот пол! И весь парламент стал в такт хлопать. ступай! ступай! ступай! Ничего не понимая, я сошёл с трибуны на пол. И тут... и здесь, господин доктор...

Голос его снова задрожал.

– Не волнуйтесь, не волнуйтесь... – гладил его круглый лоб Гарин.

– И тут... я понял, что вместо пола – грязь, грязь... грязь! Липкая, чёрная. Грязь! А они закричали: мы давно уже в иле! Я побежал... я выбежал из парламента... и вокруг, всё вокруг, везде вокруг, всюду была грязь, грязь! Я провалился, провалился в гря-а-а-зья!! Я стал тону-у-у-уть!!

Пациент снова затрясся в рыданиях.

– Доктор Пак, – обернулся Гарин. – Ваш фирменный коктейль! Три раза в сутки. Грязелечение временно отменить.

– Безусловно, – кивнула она. – Лучше радоновые ванны.

– Да!

– Везде, везде грязь... везде и всюду... нет пола, нет земли... не на что встать... не на что опереться... нет фундамента-а-а-а-а! Только гря-а-а-зья! – рыдал пациент.

Пак повернулась к медсестре:

– Четвёрка. Стандартная доза. После завтрака. Потом – по расписанию.

– Хорошо, – кивнула та.

Когда пациент успокоился, Гарин снял с него одеяло:

– Дорогой мой, перевернитесь на живот.

Всхлипывая и шмыгая носом, тот повиновался. Гарин на-
правил blackjack ему в ягодицу. Затрещали голубые молнии.

– О, my Go-o-o-o-o-od!! – заревел пациент в подушку.

Гарин пустил молнии в другую ягодицу. Пациент снова заревел.

Главврач прикрыл его одеялом, встал, двинулся к выходу.

– Нестабилен, – бросил он Маше.

Она отметила красным.

– Классика! – зарокотал Гарин в коридоре. – Синдром Котара в чистом виде!

– Ипохондрический гигантизм, – согласно кивнула, по-
правляя очки Пак. – Ростки были с момента поступления, а
сейчас резко дали густую поросль. Но это пока не шуб.

– Ваш коктейль приведёт его в норму.

– Ваш blackjack творит чудеса.

– Сим победиши!

Едва Гарин переступил порог палаты № 4, как в него по-
летела книга. Он тут же сбил её своей чудодейственной ду-
бинкой на пол, словно взбесившуюся птицу, поднял, прочи-
тал заглавие:

Pelham Grenville Wodehouse

LOVE AMONG THE CHICKENS

Швырнувший в Гарина книгой пациент скрылся в ванной

комнате.

– Старина, вам не по душе Вудхауз? – спросил Гарин, отдавая книгу санитару и проходя в палату.

– Unreadable!³ – раздалось из ванной.

– Это я ему посоветовал, – сказал Штерн. – Лёгкая, весёлая книга.

Ванные комнаты тоже не имели замков, Гарин приотворил дверь. Пациент с белой кожей и необычно длинными ресницами громко плюхнулся в наполненную ванну, заливая пол водой. Но вдруг выскочил из ванны и, шлёпая ягодицами, бросился вон столь стремительно, что Гарин едва успел расставить ноги, пропуская его. Прошмыгнув между ногами главврача, пациент прокатился на мокрых ягодицах до журнального столика, выхватил из открытой коробки сигару, сунул в губы, поджёг и тут же кинулся обратно в ванную. И Гарин снова пропустил его между ног. В палате царил беспорядок: не было вещи, не сдвинутой со своего места, подушка и одеяло валялись на полу. Пациент подбежал к ванне, сунул палец в воду:

– Нет, нет... не сейчас...

Круто развернулся, выкатился из ванной и заметался по палате:

– Где же... где же, чёрт возьми?!

– What are you looking for, dear Boris? – спросил Гарин.

– Где, где моя книга? Почему, по какому праву у меня

³ Нечитабельно! (англ.)

отбирают книги, фаллосы, пистолеты, рапиры, динозавров, женщин?! – заговорил пациент на своём стремительном британском английском, который Гарин с трудом понимал.

– Вот ваша книга. – Штерн взял её у санитара и передал Борису. – Вам же она понравилась?

Тот прижал её к животу:

– Любимая! Несравненная! Лучшая и умнейшая книга в мире после “Евангелия от Иуды”!

– Как вы себя чувствуете? – Гарин сверху смотрел на пациента. – Сон? Аппетит?

Пациент закрыл свои длинные ресницы и закачался на месте:

– О-мер-зи-тельно!

– Что именно? Плохо спите?

– Чудесно! Замечательно!

– Аппетит плохой?

– Пре-вос-ход-ный!

– Страхи? Опасения?

Пациент открыл глаза и бросил на всех отчаянный взгляд неузнавания, словно увидел их впервые:

– Где?

– Что? – Гарин навёл на него пенсне.

– Мой любимый фаллос?

– Коробка позади вас, – подсказала Пак.

Отшвырнув сигару на ковёр, он подбежал к бордовой коробке, открыл. В ней лежали три фаллоимитатора.

– Where's Big Ben?! – вскричал он с обидой.

– Не волнуйтесь, он где-то здесь. – Доктор Пак пошла по палате, разглядывая всё, что валялось.

– Where's my Big Ben?! – закричал Борис сильнее.

Пухлые упрямые губы его искривились, два больших передних зуба полезли из них.

– Не волнуйтесь, сейчас найдём... – Пак и две медсестры стали искать.

– Where's my Big Be-e-e-e-en?! – заплакал пациент и тут же повалился навзничь, заёрзал ягодицами по полу, вертась на месте.

– Вот же он, вот! – Одна из медсестёр нашла большой фаллоимитатор с квадратной головкой, передала его Пак.

Присев над плачущим, Пак положила находку ему на живот:

– Он здесь, успокойтесь.

Тот мгновенно схватил фаллоимитатор, перестал плакать, сел, захлопал мокрыми рыжими ресницами, затараторил с обидой и злостью:

– Какое конституционное право вы имеете конфисковать мою собственность? Кто позволил вам преступать закон, вершить произвол, попираť право человека на частную жизнь, нарушать приватность, плевать на великие европейские традиции, одним махом разрушая то, что с таким трудом на протяжении пяти веков возводили и строили наши прапрадеды, на чём основывается, стоит и успешно развива-

ется весь уклад цивилизованной Европы?

Гарин глянул на Пак, ища лингвистической поддержки. Получившая PhD в Кембридже доктор Пак тут же пришла на помощь, заговорив на своём отличном английском:

– Мы прикажем незамедлительно арестовать и отдать под уголовный суд всякого, кто лишь посмеет покуситься на вашу собственность! – произнесла она, грозно нависнув над пациентом.

Он замер, хлопая ресницами.

– Правда?

– Клянусь! – ответила она ледяным голосом.

Борис отшвырнул фаллоимитатор, вскочил, обнял её колени, прижался:

– Я всегда верил в алтайских врачей!

– И правильно делаете! – пророкотал Гарин. – Мы позаботимся о вас. А теперь, дорогой мой, позвольте...

Он навёл blackjack на пухлые и упругие ягодицы Бориса и дал два традиционных разряда. Пациент спокойно стоял, молча обнимая колени Пак.

Гарин опустил blackjack.

Борис почесал ягодицу, разбежался и влетел на кожаный диван. Мгновенье он сидел, хлопая ресницами и бормоча что-то нечленораздельное, затем расхохотался, откинувшись:

– Чушь несусветная!

– Что, простите? – переспросил Гарин.

– Чушь, что послевоенная Европа жаждет объединиться в Соединённые Штаты Европы!

– Вы так полагаете? – спросил Штерн.

– Я уже плюнул в лицо Эмманюэлю. Могу плюнуть и старухе Ангеле, если она только заикнётся. Вот, пусть только попробует, старая провокаторша!

– Как у вас с аппетитом? – спросил Гарин.

– А где мой динозавр?! – вдруг выкрикнул Борис, спрыгнул с дивана, вбежал в спальню и заметался по ней.

Две медсестры пошли за ним, чтобы помочь ему в поисках. Борис носился по замусоренной спальне, шлёпая ягодицами по полу. На кровати лежал навзничь в состоянии сна пластиковый андрогин с женским лицом, большой грудью и торчащим прозрачным фаллосом. Над кроватью висела большая картина в массивной позолоченной раме – Люсьен Фрейд, “Спящий мясник”. Любимая картина Бориса, неизменно сопровождавшая его во всех путешествиях.

– Где? Кто позволил? – метался на ягодицах Борис.

Не найдя ничего, он метнулся к батарее отопления, громко ударился о неё и завопил:

– Кто приказал изъять динозавра?! Кто подписал акт о конфискации?!

– Никто, никто, – поспешила его успокоить Пак. – Найдётся, не волнуйтесь.

– Он никогда не найдётся! Он потерян наве-е-е-е-ки! – завопил пациент, и слёзы градом брызнули сквозь огромные

рыжие ресницы.

Пак шагнула к нему, но Гарин предупредительно положил ей на плечо свою увесистую длань.

– Ремиссия, – произнёс он по-русски.

Борис рыдал недолго. Шмыгнув носом, он вдруг пополз по полу, дополз до кровати, залез под неё наполовину, оставив снаружи задницу, покрасневшую от электротерапии. Кровать задрожала. Андрогин открыл глаза, сел на кровати и стал осматриваться.

– Вот ты где! – глухо раздалось из-под кровати.

Кряхтя, Борис вылез с чёрным шаром, сел на пол и расхохотался.

– Динозавр решил удрать в мезозой!

Шлёпнул по шару. Шар засветился, в нём возник серебристый тираннозавр, который стал пританцовывать и запел хриплым басом:

I'm worse at what I do best
And for this gift I feel blessed
Our little group has always been
And always will until the end

Hello, hello, hello how low...⁴

Борис поцеловал шар с громким чмоком, прижал к животу, вскочил и через поспешно расступающихся медиков

⁴ Отрывок из песни “Smells Like Teen Spirit” американской рок-группы *Nirvana*.

метнулся на покрасневших ягодицах в ванную комнату, подпрыгнул и плюхнулся в ванну, снова окатив всё вокруг водой.

– Рекуррентно стабилен, – с улыбкой сказал Гарин Маше, направляясь к выходу.

– Не опаздывайте на завтрак. – Пак заглянула в ванную.

– А сигара? – воскликнул Борис. – Где моя сигара?

– У нас не принято курить в номерах.

– Где моя сигара?! Кто посмел уничтожить мою сигару?!

Шалина!! – завопил Борис и тут же разрыдался, шлёпая поющим шаром по воде.

– Шалина ждёт своего господина, – ответил андрогин мужским голосом.

– Доктор Штерн, дайте ему сигару, – распорядился Гарин, выходя из палаты.

Штерн взял из коробки сигару, обрезал и вместе с зажигалкой отдал Борису, который тут же перестал рыдать, выпустил шар и принялся, громко чмокая, раскуривать сигару.

– Hello, hello, hello, how low... – пел тираннозавр под водой.

В пятой палате обитала пациентка по имени Ангела. Едва санитар постучал в дверь и открыл её, она уже стояла в прихожей, скрестив бледные, плетеподобные руки внизу бледного живота.

– Guten Tag, gnä dige Frau! – пророкотал Гарин на своём приличном ещё с гимназейских времён немецком.

– Guten Tag, Herr Doctor Garin! – произнесла она ровным, спокойным голосом и улыбнулась всегда усталыми, густо намаженными губами.

– Haben Sie gut geschlafen?⁵

– Nicht so sehr⁶.

Она повернулась к ним бледным, одутловатым задом и пошла на ягодицах в палату. Гарин со свитой двинулись следом.

– Прошу вас. – Ангела протянула руку в сторону дивана.

– Благодарю! – Гарин сунул blackjack в карман халата и, оставшись стоять, по-докторски потёр ладони. – Жалобы? Опасения? Тревоги?

– Опасения, тревоги, – повторила она с полуулыбкой, подпрыгнув и сев в кресло. – Всё, всё при мне. Никуда не делось.

– Лающие люди?

– Да, лающие люди.

– Вернулись?

– Они никуда и не уходили.

– Только прятались за обычными, нелающими?

– Genau⁷.

– Ясно, – понимающе стукнул себя по коленке Гарин. – Я приму вас после завтрака, Маша сообщит вам.

– Хорошо.

⁵ Хорошо выспались? (нем.)

⁶ Не очень (нем.).

⁷ Точно (нем.).

– Пожелания?

– Сегодня ночью кто-то громко слушал музыку.

– Вот как? – Гарин снял пенсне, повернулся к врачам. –

Это новость.

– Я смутно сквозь сон что-то слышал, – произнёс Штерн.

– Из какого номера доносилась музыка?

– Не знаю. – Ангела взяла из вазы мандарин и принялась его чистить.

– Что за музыка? Классическая? Джаз? Рок? Фрок? – Штерн вопросительно вытянул губу в сторону Ангелы.

– По-моему, это была русская музыка. Поп-музыка. Песни.

– Могу предположить, кто это, – улыбнулась Пак. – Мы решим проблему, Ангела, не волнуйтесь.

– Надеюсь. Сон – лучшее, что есть в моей жизни. Вернее... – она рассмеялась, – лучшее, что осталось в ней!

– Неправда! – пророкотал Гарин. – Вас ждёт прекрасное будущее! После возвращения из нашей здравницы мир засверкает для вас новыми красками.

– Хотелось бы верить.

– Вы довольны анальными процедурами? – спросила Пак.

– Вполне. – Ангела протянула ей половинку очищенного мандарина.

– Благодарю вас, – отказалась Пак.

– Бальзамные обтирания? Пихтовые ванны? – Гарин с удовлетворением оглядывал чистую, аккуратную палату Ан-

гелы.

– Всё замечательно.

– Немного целительного электричества? – Гарин показал ей blackjack.

– О, с удовольствием. – Она сползла с кресла, прошла в спальню, прыгнула на кровать и легла на живот.

Гарин пустил разряд ей в левую ягодицу. Она вскрикнула в постель. Гарин пустил молнии в правую. Вскрик повторился.

Полежав неподвижно, она перевернулась на спину. Напoмаженные, немолодые губы её бессильно разошлись:

– Es war wunderbar... danke...⁸

– Aber bitte!⁹ – довольно улыбался Гарин.

– Ждём вас на завтрак, – улыбалась Пак.

– А после завтрака – ко мне! – Гарин решительно двинулся к выходу. – Я разберусь с лающими людьми!

– Вы очень добры... – улыбалась Ангела, глядя в потолок над кроватью.

Дверь шестой палаты отворилась сама. Пациент с живыми, быстрыми глазами стоял на пороге и приветливо улыбался.

– Bonjour, Mesdames et Messieurs! – быстро произнёс он приятным голосом, едва Гарин открыл рот.

– Bonjour, Emmanuel! – торжественно произнёс Гарин и

⁸ Это было великолепно, спасибо (нем.).

⁹ Ну и пожалуйста! (нем.)

поднял вверх blackjack, словно маршалский жезл.

– Мне так приятно видеть всех вас каждое утро, – заговорил пациент на прекрасном английском, жестом приглашая всех войти. – Поверьте, после ночных кошмаров, утренних депрессивных размышлений, болезненных воспоминаний и прочей гадости я вижу вас – умных, бодрых, добрых, знающих своё благородное дело, – и всё тут же рассеивается, словно дым!

– Нам тоже чрезвычайно приятно видеть вас бодрым и здоровым, – произнесла Пак, сдержанно улыбнувшись.

– Вы выглядите чудесно, – не без осторожности заметил Штерн.

– Завидуйте, завидуйте! – рокотал Гарин. – Сразу видно, кто этой ночью хорошо спал!

– О, спал прекрасно! – Эммануэль сделал пригласительный жест. – Присаживайтесь. Здесь замечательно спится.

– Благодарю вас, – остался стоять Гарин. – Но вы слышали музыку ночью?

– Музыку? Ночью? Нет. Музыка у меня только днём!

Пациент подошёл к электропианино, приспособленное под его рост, присел на стул, напоминающий велосипедное сидение, и сходу заиграл ноктюрн Шопена.

– Замечательно! – Гарин похлопал blackjack'ом по своей широкой левой ладони.

– Я не представляю свою жизнь без двух вещей, – прервался Эммануэль. – Без музыки и любви.

– А политика? – поднял брови Гарин.

– Она с нами по определению. Как солнце или луна.

– Никуда не денется?

– Именно!

– Хорошо! Пожелания? Опасения? Беспокойства?

– Всё замечательно, всего в достатке, ничего не беспокоит.

– Вакуумный массаж, бальзамное обтирание?

– Продолжаю принимать с успехом.

– Медикаменты?

– Всё те же, вы знаете, мсье доктор.

– Не забывайте про грязь. В ней великая терапевтическая сила.

– О, *грязь*, – произнёс он по-русски, полужакрыл глаза и вскинул вверх гибкие руки. – Кем бы мы были без неё! Oh là là! Она чудесна, чудесна! Я вернулся к жизни благодаря ей. Теперь я навеки влюблён в вашу алтайскую *грязь*. Мы с ней как муж и жена. Обвенчались на Алтае! У нас грязный медовый месяц. Мы отдаёмся друг другу. Проблема вот в чём: когда вернусь в Париж, что мне делать без неё? Не представляю! Что мне делать, а? Выписывать её отсюда контейнерами?

– В Европе есть свои грязелечебницы, – заметила Пак.

– Что вы сказали? – вдруг замер он.

– Я говорю, в Европе есть замечательные грязелечебницы, – осторожно продолжала Пак, переглянувшись с Гариным. – Карловы Вары, Пиештяны, Хевиз, Абано Терме.

Пациент напряжённно смотрел на Пак и вдруг прохрипел нутряным, зловещим голосом:

– Connasse de merde!¹⁰

Оттолкнувшись от сиденья, он прыгнул на ногу Пак, оплел её, как щупальцами, руками и схватил зубами. Но Гарин был начеку: и трёх секунд не прошло, как blackjack выпустил не терапевтическую синюю, а жёлто-зелёную молнию в зад пациента. Тот с криком отвалился на ковёр, завертелся на месте и захрипел.

– Санитары! – громко, но спокойно позвал Гарин.

Двое оставшихся снаружи вбежали в палату, схватили пациента, прижали к полу. Он хрипел, изрыгая французские ругательства, глаза его закатились, на губах выступила пена. Одна из медсестёр выхватила из кармана пенал, вынула шприц, склонилась над ним.

– Не вынесла душа поэта... – произнёс Гарин и вздохнул. – И всегда почему-то утром.

– Раптус плюс Кандинский – Клерамбо. – Пак поправила сбившиеся очки.

– Не укусил?

– Нет, спасибо. Каждый раз поражаюсь вашей реакции.

– Ещё получается, – усмехнулся Гарин. – И ведь неизменно на женщин кидается. И на ноги. Нет чтоб на мои! Я бы и отгонять его не стал! Титан вернул бы его к реальности.

Все заулыбались. Сестра тем временем делала укол.

¹⁰ Сука сраная! (франц.)

– Доктор, вы же знаете его анамнез. – Пак смотрела на рычащий рот пациента. – “Преступно-недоступные коленки высокомерной учительницы геометрии”.

– Да-да, – вздохнул Гарин. – Геометрия – великая наука!

– Слишком прилежный ученик...

– Женские коленки способны свести с ума не только мужчин... – задумчиво произнесла Маша.

– “Я готов выпить влагу из вашей коленной чашки”, – процитировал Штерн.

– Пойдёмте дальше, господа! – скомандовал Гарин. – Перенесите пациента на кровать. Марина, присмотрите за ним.

– Хорошо, доктор, – кивнула медсестра.

Пациент палаты № 7 сидел на тренажёре и качал ягодичы.

– Доброе утро, Владимир! – поприветствовал его Гарин.

– Это не я, – пробормотал тот, качаясь.

– Как почивать изволили?

– Это не я.

– Жалобы?

– Это не я.

– Неудобства?

– Это не я.

– Пожелания?

– Это не я.

Привыкший к его обычным ответам Гарин прошёлся по гостиной палаты. Всё было чисто прибрано, всё стояло на своих местах. Гарин глянул на видеомузыкальный центр.

– Вы слушали сегодня ночью музыку?

– Это не я, – качался пациент.

Пак взяла пульт, нажала несколько кнопок. Возникла голограмма: одетый по моде пятидесятых Джонни Уранофф запел свой знаменитый хит “Без тебя мне не жить!”.

– Вы слушали это ночью в 03: 16.

– Это не я.

Пак нашла ещё несколько песен Джонни: “Не целуй меня”, “Старый друг”, “Выпьем водки, кореша!”.

– И это вы тоже слушали ночью.

– Это не я.

– Дорогой Владимир. – Гарин качнулся на титановых ногах. – Наши пациенты, некоторые из которых являются и вашими друзьями, жалуются на громкую музыку ночью.

– Это не я.

– Мы просим вас слушать музыку днём и желательно не после ланча, когда все отдыхают.

– Это не я. – Владимир спрыгнул с тренажёра, обтёрся полотенцем и подставил Гарину ягодицы.

Платон Ильич пустил в них по синей молнии.

Пациент принял их беззвучно.

– А я ещё раз настоятельно попросил бы вас не кидаться камнями в моего кота, – вытянул губу Штерн.

– Это не я, – шмыгнул носом Владимир и с полотенцем в руке потрусил на ягодицах в ванную.

– Стабилен! – бросил Гарин Маше, направляясь к выходу.

– Ждём вас на завтрак! – крикнула Пак.

– Это не я! – долетело из ванной, и зашипел душ.

– Он продолжает швыряться камнями в Эхнатона? – спросил Гарин Штерна, выйдя в коридор.

– Продолжает, – кивнул тот. – Слава богу, пока без последствий.

– Мда... – Гарин стукнул себя по бедру, направляясь к восьмой палате.

– Детские травмы, – поправила очки Пак.

– Скорее подростковые, – уточнил Штерн.

– Не согласна.

– И я не согласен.

– Джонни Уранофф, – задумчиво произнёс Гарин. – Мой дед обожал его. Прорывался на концерты, собирал пластинки...

– Моя бабушка – тоже, – усмехнулся Штерн. – “Не целуй меня ночью белой, а целуй меня ночью тёмной”!

– “Ты плохого мне много сделала, пила кровь, тобой заражённую...” – продолжила Маша.

– А вы откуда это знаете? – удивлённо остановился Гарин.

– Я не чужда новорусской поп-культуре. Люблю послушать ретро пятидесятых.

– Я его совсем не знаю, – улыбнулась Пак.

– И не надо, – двинулся дальше Гарин. – Это для масс...

– Он рок-н-роллы хорошо пел, – возразил Штерн. – Уж не хуже Элвиса.

– Разве что не хуже...

Последний пациент сидел в палате возле дивана на татами, прикрыв глаза. Это происходило каждое утро и именно во время обхода, так что все вошедшие привыкли. Да и он привык, что все привыкли.

– Охайе годзаймас, Синдзо-сан! – произнёс Гарин.

– *Доброе утро, господин доктор!* – ответно приветствовал его пациент по-русски, не открывая глаз.

– Вы опять плохо спали? Вас снова что-то стало тревожить? – Гарин перешёл на английский.

– Да, я плохо спал. И меня снова кое-что стало тревожить. Но я хотел бы вам рассказать об этом privately.

– Безусловно! – Гарин стукнул себя по коленке. – После завтрака я приму вас, Маша сообщит вам.

– Благодарю вас, доктор.

– С процедурами всё в порядке? Вы довольны?

– О да. Радоновые ванны замечательны.

– А пихтовые пробовали?

– Пока нет.

– Рекомендую.

– Благодарю вас.

В коридоре Гарин отдал несколько распоряжений и отпустил коллег и персонал.

Завтрак начался, как всегда, в 9:30 и прошёл без эксцессов. После завтрака Гарин принял в своём кабинете Ангелу.

На своих немолодых ягодицах она вошла в кабинет главврача, добрела до кресла, стоявшего напротив рабочего стола, за которым восседал Гарин, подпрыгнула, села.

– Итак. – Гарин, просматривающий голограмму истории её болезни, перевёл взгляд на пациентку. – Лающие люди?

– Лающие люди, – вздохнула она, полуприкрыв светло-зелёные глаза с деликатно покрашенными ресницами. – Вы уже знаете мою главную травму.

– Nonsense! Ни один человек не в состоянии знать точно своей главной травмы, поверьте моему опыту. Люди не боги, сударыня. Безусловно, это бывает. Но не всегда. За редким исключением, главные травмы скрыты. Грозовые облака! *Unterbewußtsein*¹¹. А чистый небосклон сознания вынужденно отождествляет их с другими, менее разрушительными травмами. Например, с перистыми облаками. Но белое – не всегда белое! А уж чёрное – и вовсе.

– Да, но я помню только то, что могу помнить, то, что я пережила, я же рассказывала вам, доктор.

– Расскажите ещё раз.

– Зачем? Вы же всё знаете.

– Чем больше вы будете рассказывать об этом, тем здоровее будете. Это аксиома.

– Хорошо... – Она вздохнула, потёрла узкие ладони, опустила плети тонких, гнущихся, как лианы, рук на подлокотники. – Интернат для будущих политиков. Вы представляе-

¹¹ Подсознательное (нем.).

те, что это такое.

– О да. Представляю. Да и в генном инкубаторе я был пару раз. Студентом.

– Мне одиннадцать лет. Интернат... Обыватели уверены, что политик – это публичность, умение ярко выступать, быстро и уверенно формулировать, остроумно и нагло отвечать на подколки журналистов. А политика – это не публичность, а...

– Принятие решений. И ответственность за них.

– Конечно. Но для того чтобы принять решение, его надо *высидеть*.

– Как яйцо!

– Именно! Нас с малолетства учили науке высиживания. Собственно, ради этого мы и были созданы таким необычным способом. В интернате я прошла через многое. Бывало, поведут нас на прогулку по городу, а мальчишки дразнят: эй, попки, когда жопами станете? Никто тогда не называл нас *pb*¹².

– Ну, в школе тоже всех дразнят. Меня дразнили “Гарин-татарин”. Хотя я русский.

– *Гарин-татарин*... – произнесла она по-русски. – Это трогательно. В интернате я испила горькую чашу сиротства до дна. От депрессий спасала только учёба. У нас были замечательные педагоги, нас готовили серьёзно. Занятия, занятия... Они шли непрерывно, но не однообразно. Наш ди-

¹² *Political beings* – политические существа (англ.).

ректор был по-настоящему творческой личностью. *Усидчивость* нам прививали творчески. Мы изучали биологию в лесу, математику и латынь – на берегу нашего озера, римское право – в нашем античном музее. Нам многое, многое дозволялось. Конечно, нас наказывали, иногда даже публично секли по попам, нашим рабочим местам, а как иначе? Но мы были свободнее обычных школьников. Нас готовили к долгой и серьёзной жизни на благо общества. В старших классах нам уже преподавали университетские профессора. Курс мировой литературы нам читал профессор Гольденбруст, замечательный педагог, великий книголюб с огромной памятью, новатор и настоящий фанатик своего дела. Однажды, рассказывая про детство Гаргантюа, для иллюстрации он решил нам устроить целый перформанс: привёз сервированный стол с жареной свиной тушей, привёл с собой женщину невероятной толщины, назвал её своей невестой, затем сам разделся, взял чашу с топлёным свиным жиром, облил им невесту, заплакал, затопал ногами, стал звать маму...

– Ангела, ближе к делу. – Гарин забарабанил по столу тяжёлыми пальцами.

– Да, конечно. Извините, я отвлеклась... Это случилось во время урока по социальной ориентации. Мне вдруг захотелось в туалет, я встала, как обычно, сказала “извините” и вышла. Как вы знаете, туалет у нас был общий, нам, рб, нечего прятать друг от друга, мы писаем попами. Идя в туалет, я вдруг услышала странные звуки из спортивного зала. Дверь

его была приоткрыта. Любопытство, как вы знаете, одна из моих врождённых черт...

– И это прекрасно.

– Я вошла в приоткрытую дверь. Спортзал был пуст. Странные звуки долетали из подсобки, где хранился спортивный инвентарь. Я разобрала голос завуча, сурового и строгого человека, и одного из нас, Николя. Завуч что-то делал с Николя, чего тот не хотел. Завуч словно давал ему быстрые команды: “Да! да! да!”, а тот хныкал: “Нет! нет! нет!” И почему-то где-то совсем рядом, что самое удивительное, лаяла какая-то собака, где-то прямо под окнами, и лаяла ровно в такт этим “да! да! да!”. Гав, гав, гав, да, да, да, гав, гав, гав, да, да, да, как пулемёт. Я подошла осторожно, заглянула в замочную скважину и увидела... я увидела, как... как... этот завуч...

Ангела вдруг затряслась мелкой дрожью. Настолько мелкой и быстрой, что контур её круглого тела размылся. Только руки вцепились в подлокотники кресла и оставались неподвижными.

Гарин взирал на метаморфозу пациентки с невозмутимостью. Ангела даже уже не тряслась, а вибрировала, ровно и сильно, словно трамбовочная машина. Платон Ильич взял папиросу, закурил, встал и подошёл к окну. Солнце уже стояло высоко, дрозды перестали токовать, в кедрах раскинувшегося за окном бора перекликались другие птицы.

– Скажи мне, верная жена, дрожала ль ты заветной дро-

жью? – вполне голосом продекламировал Гарин, заложил руки за спину и, попыхивая папиросой, покачался на титановых ногах.

Сильное апрельское солнце сияло в золотой оправе его пенсне.

Когда Ангела перестала трястись, он уже гасил окурок в пепельнице.

– Ну, вот... опять... – тяжело задышала пациентка.

– Ничего страшного. – Он помахал рукой, разгоняя дым над столом. – Это полезно для ваших мышц.

– Всегда так... некстати... стыдно...

– Не волнуйтесь, это же не эпилепсия.

– Я знаю, но... – выдохнула она, – никак не могу привыкнуть.

– Это ваша благородная дрожь. Европа помнит её.

– Доктор, что же мне делать с лающими людьми? – Ангела стала трогать свои огромные, покрасневшие, обвисшие щёки.

– Что делать? – забарабанил он по столу и вдруг яростно, грубо и громко залаял ей в лицо. – Ааф! Аааф! Гааав!!

Она в ужасе откинулась в кресле, закрыв глаза руками. Но он схватил эти два бледных побега, отнял от глаз:

– Хватит! Довольно спектакля, сударыня! Хватит вра-а-а-ать!!

Ангела разрыдалась. Гарин встал, обошёл стол и грозно навис над ней своей ветхозаветной бородой и грозным но-

сом:

– Сколько можно дурачить меня?! Голубушка, я вам не флейта! Не контрафагот! Я доктор Гарин, чёрт побери!! И играть на себе не позволю!

Пациентка рыдала.

Гарин принялся яростно расхаживать по кабинету.

– Вы знаете, что такое *рваная ширма*? Что такое *фиктивная жертва*? Что такое *временное ничтожество*? Что такое *стёртый след*? Не знаете? Я объясню вам! Я покажу вам, сударыня, как бог свят! Лающие люди, видите ли, её беспокоят! Люди-собачки! Как мило! А молчащие люди вас не тревожат? Номо tacitus не тревожит вас? Там лаяла собачка в такт фрикциям этого завуча, гав, гав, гав! Ох, как страшно! А человека, *чудовищно* молчащего, вы не заметили в спортивном зале? Он стоял там, в правом углу, этот молчащий человек! Вы не заметили его? Вы же знаете его! Знаете, а? Отвечайте мне, чёрт возьми! Знаете?

Она кивнула сквозь рыдания.

Он положил ей свою тяжёлую руку на вздрагивающую спину, заговорил спокойно:

– Вы знаете этого человека. Слишком хорошо знаете. Вам было шесть лет, когда воспитатель Эрнст вошёл в спальню с мухобойкой и мотком клейкой ленты. Он сказал вам: Ангела, мы с тобой договорились, до третьего раза. И вы кивнули. И он заклеил вам рот, которым вы так много болтали. И стал сечь вас мухобойкой. По вашей прекрасной юной попе.

А этот человек стоял за ним. Да и не совсем он человек. Он прозрачный, хоть и тёмный. Правда? Сквозь него даже можно что-то разглядеть. Потому что – *мутный*. Мутный стоял там. Мутный с чёлкой, усиками и простреленным черепом. Ведь стоял?

– Откуда вы... знаете?

– Оттуда! – серьёзно произнёс Гарин и качнулся на ногах. – Так что закроем историю про лающих людей раз и навсегда. Вы готовы рассказать мне о первой встрече с Мутным?

– Нет... мне страшно...

– Хорошо, вы сделаете это в следующий раз. На сегодня достаточно. Ничего не бойтесь. Я с вами. Мутный вас больше не тронет.

Он взял её руку.

– Ангела, нам с вами предстоит работа. Мы загоним Мутного в его преисподнюю раз и навсегда. Но для этого мы должны помогать друг другу. Вы поможете мне помочь вам?

– Да, доктор.

– А я помогу вам.

Он взял со стола пакетик с бумажными салфетками, приложил салфетку к плоскому носу Ангелы. Она громко высморкалась, перехватила салфетку, стала вытирать слёзы.

– Сейчас ступайте к себе, к вам зайдёт сестра, сделает укольчик. Таблетки всё те же, дозу я менять не буду, лишнюю химию глотать негоже. После укола – полчаса отдыха,

потом на прогулку в бор. К кедрам! Abgemacht?¹³

– Abgemacht, Herr Doctor, – вздохнула Ангела и бессильно улыбнулась.

– Я вас больше не задерживаю. – Гарин уселся за стол.

Ангела неловко соскользнула с кресла на пол и устало поползла на ягодицах к двери. В дверь постучали.

– Войдите! – Гарин разминал в пальцах папиросу.

Вошедшая Пак посторонилась, пропуская Ангелу, закрыла за ней дверь.

– Кризис? – спросила она, подходя к столу. – Или плато?

– Скорее сон. – Гарин закурил.

– На ней лица не было...

– Глубокому сну отлей блесну.

– Угостите папиросой, доктор.

– Вы же уже не курите, доктор?

Она махнула маленькой быстрой рукой. Он протянул ей коробку с папиросами, поднёс огня.

– У меня вопрос по двум пациентам, Дональду и Борису.

– Слушаю вас. – Дымя папиросой, Гарин откинулся в кресле.

– При всей кажущейся разности симптоматики, ядра патологий схожи, мы это обсуждали уже. И этиология схожа.

– Я помню.

– Не попробовать ли один коктейль для обоих, № 7?

– Вы недовольны результатами?

¹³ Договорились (нем.).

– Они стабильны, но особого прогресса нет.

– Вы много хотите, доктор. Оба пациента – с глубокими психосоматическими поражениями. Аггравация, аутохтонность, гиперкинез.

– Акатизия.

– Да. Но у Дональда – эгоцентрический гигантизм, а у Бориса – кверулянтство. Перманентно винит всех.

– Но ядра, ядра общие.

– Ядра схожи.

– Может, стоит?

– Убить одним выстрелом двух вальдшнепов? Попробуйте. Как говорится, в крепком коромысле черви не заведутся.

– Хорошо. *Компот* № 7.

– Я знаю, что вы отдали Владимира Штерну.

– А вы против?

– Нет. Если он взял – пожалуйста. А что, вам надоел Mister Etoneya?

– Я не чувствую пациента. Симптоматика ясна, а вот сам он...

– Доктор, в нашем деле – валидность, валидность и...

– Ещё раз валидность, – выдохнула дым Пак. – И ничего боле. Да! Но есть self, доктор.

– Есть self, а как же! – Гарин ветхозаветно огладил бороду. – Self никто не отменял.

– Вот я и спихнула Володю Этонея Штерну. С вашего согласия! – рассмеялась она.

Откинувшись в кресле, Гарин внимательно смотрел на неё сквозь пенсне:

– Вообще... вы чем-то огорчены?

– Вовсе нет. Спала не очень.

– Дрозды?

– Письма.

– Лондон?

Она кивнула, загасила окурок, подняла халат, расстегнула белые брюки, приспустила и легла грудью на край стола Гарина:

– Доктор, могла бы я вас попросить?

– В любое время к вашим услугам! – пророкотал Платон Ильич, встал, снял blackjack с гвоздя и пустил в маленькие ягодицы Пак по синей молнии, вызвав у неё два коротких вскрика.

– Благодарю вас... – Полежав на столе, она выпрямилась, привела себя в порядок, поправила очки. – Что бы мы делали без вашего гипермодернизма!

– Да я и сам от него завишу...

– До ланча, доктор!

– Будьте здоровы!

Пак сунула руки в карманы халата и решительно направилась к двери.

– Доктор Пак! – окликнул её Гарин, пошлёпывая blackjack'ом по левой ладони.

Она обернулась.

– Вас разочаровывают новые пациенты?

– Что вы, доктор! Среди этой восьмёрки нет инкогерентности, имбецильности, идиотии. Ну... коморбидность есть у всех.

– Они сложносоставные букеты.

– Именно.

– Скучаете по старым пациентам? Жалеете, что их всех пришлось в одночасье выписать?

– Что об этом жалеть, доктор? – Она пожала острым маленьким плечом. – Конечно, там были люди, ну.... гораздо симпатичнее.

– *Люди!* – многозначительно поднял blackjack Гарин.

– Люди, – повторила она. – Люди. Но долг!

– Долг. И он не всегда платежом красен, доктор.

– Профессия есть профессия, – вздохнула она.

– Профессия – не конфессия.

– Это точно, – серьёзно кивнула Пак и вышла.

До ланча Гарин успел принять Джастина и Синдзо. С *грязью* Джастина разобрались быстро, пациент покинул кабинет главврача хоть и в слезах, но успокоенным и удовлетворённым, а вот никуда не спешащий Синдзо отнял полтора часа времени. Гарин не очень любил зануд, но умел сдерживать свои чувства и контролировать предпочтения. Когда Синдзосан наконец сполз с кресла и невозмутимо зашуршал подсохшими ягодицами по паркету, направляясь к двери, Га-

рин, пожелав ему, как всегда, здоровья, вызвал голограмму письма Евсея Воскова, с улыбкой полистал текст его романа, выбрал четвёртую главу, закурил и стал читать:

IV

Утреннее августовское солнце со всепоражающей настойчивостью обливало нежно-золотистой глазурью дачное Подмосковье, когда новенький грузовик семьи Бобровых выехал на Киевское шоссе и понёсся к Москве. За рулём сидел Пётр, рядом с ним в кабине восседала его верная и добрая жена Настасья, со стоической радостью разделяющая с мужем всё, что было, есть и будет уготовано им судьбою. Месяц как не были они на ставшем уже родным Калужском рынке, воистину превратившемся в судьбоносную звезду для поднявшейся из социалистического пепла семьи Бобровых. И как же соскучились по нему! Недаром, ох, недаром за рулём грузовика, на кузове которого красовалась улыбающаяся доярка с ведром парного молока на фоне деревенского пейзажа с коровами и берёзами, сидел этим утром сам Пётр, а не шофёр Вася.

Июль – горячий месяц для крестьян. Нынешний сенокос стал особенно горячим и потребовал от Бобровых мобилизации всех семейных сил. Да и работников пришлось нанимать, чтобы стоговали, возили и убирали драгоценное подмосковное сено, столь необходимое для восьми коров швей-

царской породы, которые уже давно стали членами работающей и правоверной семьи Бобровых.

Супруги радостно смотрели вперёд. Грузовик пересёк Окружную и въехал в Москву. Показались новостройки, обещающие москвичам тысячи новых, светлых квартир взамен убогих сталинских коммуналок. Знаменитые панельные шестизэтажные “бериевки” с пристроенными лифтами росли тут и там, поражая глаза супругов разноцветьем стен. От этих домов веяло новой, свободной и достаточной жизнью, пришедшей в СССР благодаря товарищу Берии, прозорливому и неутомимому в своей заботе о счастье советских людей.

Шоссе расширилось, машин прибавилось. Советские, американские, турецкие и итальянские машины единым потоком неслись в столицу советского государства.

– Гляди, Петя, как Москва хорошеет! – улыбалась Настасья.

– Москва бьёт с мыска! – дымил Пётр американской сигаретой.

Пронеслись по широкому, обсаженному молодыми дубами проспекту – и вот она, Калужская площадь с красивым полукруглым домом. На доме – огромный портрет Лаврентия Павловича, вокруг него два портрета поменьше – Декабризова и Маленкова, справа от площади – громадный купол Калужского рынка.

И ахнули Бобровы. На куполе раньше лишь корова пят-

нистая была, с выменем солидным, а теперь ещё и бык появился! Здоровый, рогатый, с кольцом в ноздрях.

— Продавил мясо Леонид Ильич! — восторженно крикнул Пётр, окурок в окно выплюнув.

— Продавил, благодетель! — всплеснула руками Настасья. От радости Пётр чуть в мерседес не врезался. Свернул, подрулил к рынку, заехал на стоянку, заглушил мотор и дал волю чувствам — выскочил из кабины и заплясал на асфальте среди машин.

Бык на крыше — вот это да! Сбылось, сбылось то, о чём мечталось не только Бобровым, а и всем торгующим на Калужском рынке уже три года. В пятьдесят восьмом открылся рынок, но торговать мог только птицей да молочкой, а мясо ЦК разрешало продавать только в государственных магазинах. Но директор рынка Леонид Ильич недаром когда-то на партийной работе был, в ЦК у него своя рука. Теперь и мясом Калужский, а может, и другие рынки заторгуют. А это значит — новый покупатель на рынок косяком повалит, а вместе с мясом купит и бобровское масло, творог и сметану. Вот радости-то будет! Попрёт деньга!

Бобровы, ног под собой не чуя, заметались на стоянке: Настасья дверцы кузова открыла, Пётр грузчиков кликнул, сунул им по новенькому рублю:

— Тащите, братцы, скорейча в молочный ряд, места 12–14!

Взялись загорелые, готовые на любую хорошую работу студенты-грузчики за фляги с молоком, сметаной и творогом, понесли на рынок. А Бобровы уж сами бегут, от нетерпения сгорая: рынок, рынок родной! Тот, что из нищеты колхозной вытащил, достаток принёс, смыслом жизнь наполнил. Вошли и ахнули – гудят мясные ряды! Телячьи, свиные, бараньи туши на крюках, окорока, головы коровы, свинина розовая, говядина красная, вырезка, рёбра, мослы, хвосты, уши, почки, печёнка! А над мясным отделом под потолком – шарики разноцветные! Красота! Пётр аж зажмурился.

– Господи, твоя воля! – Настасья перекрестилась, от восторга млея.

И – сразу в молочный ряд родной. А там уж и впрямь все родные, лица знакомые – Наташка, баба Дуня, Пахом, дед Абрашка, Нелька-Погонелька:

– Бобровы! Что-то вас не видать давненько!

Настасья – к своим продавщицам, хорошим, добрым Лене, Тосе и Анюте:

– Девочки, здравствуйте!

– Здравствуйте, Настасья Сергеевна!

Все в белом, как медсёстры, все чистенькие, все улыбка-ми светятся, за мраморными столами своими с высококачественной бобровской продукцией.

Счастье! Грузчики бидоны приволокли.

Пётр первым делом в администрацию – котлетку зане-

сти. Чай, месяц назад заносил. Заходит в кабинет замдиректора, с поклоном:

— Здравствуйте, Виктор Самуилович!

Тот за столом сидит по-американски — сигара, ноги в рыжих ботинках-крокодилах на столе, виски со льдом, носки полосатые, смотрит японский телевизор. Полуоборачивается:

— А, это ты...

Руку сунул Боброву, словно милостыню. Пётр руку пожал, вложил в неё котлетку — пятьдесят рублей в конверте. Тот, не глядя, конверт в ящик стола — швырь. А сам в экран сигарой:

— Видал?

— Что, Виктор Самуильч?

— Ленина хоронят.

— Как?

— Так.

— На Красной площади?

— На какой Красной площади, чудило! — смеётся зам. — Его оттуда вчера вывезли.

— А где же?

— На Волковском кладбище, в Ленинграде. Смотри, какой плитой могилу накроют!

Смотрит Пётр. Плита толстенная. И широченная. Висит на двух кранах.

— А зачем такой толстой?

– Чтоб не спёрли!

– Вот оно что...

– То-то и оно.

– Виктор Самуилыч, прослышал я, что аренду повыша-
ете?

– Немного. На два рубля за место. И в связи с мясным
рядом новая телега от санэпидемстанции, всех касается. –
Он не глядя вынул из ящичка бумагу. – Прочти и подпиши.

– Хорошо, спасибо. – С поклоном Пётр бумагу принял.

Гарин пролистнул текст дальше.

Но не всё в этот солнечный августовский день 1962 го-
да было так восхитительно, правильно и хорошо. Накануне
захоронения тела В. И. Ленина, этого поистине эпохального
события, открывающего новую страницу в истории СССР,
произошло прискорбное в своей омерзительной и циничной
безответственности преступление. Как известно, ещё в но-
ябре 1956 года решительный в своей непреклонности Л. П.
Берия сместил с поста министра МГБ Меркулова и назна-
чил на его место Владимирского. Его заместителями ста-
ли Богдан и Амаяк Кобуловы. Помощником Богдана Кобу-
лова был полковник Саркисов – авантюрист и проходимец,
втёршийся в доверие к начальству. Он и уговорил недалё-
ководных и падких на деньги братьев Кобуловых на омер-
зительную авантюру. В ночь перед торжественным выно-

сом тела В. И. Ленина из Мавзолея полковник Саркисов с тремя своими подчинёнными подменил тело вождя мирового пролетариата на заранее изготовленную куклу. Именно её погребли на Волковском кладбище. А тело вождя было распилено полковником Саркисовым на тридцать шесть кусков и впоследствии тайно распродано при помощи международных связей братьев Кобуловых за общую сумму в 2 560 000 долларов США. Покупателями стали как известные западные миллионеры, коллекционеры и антропологи, так и некоторые западные компартии. Коммунистическая партия Италии купила правую руку Ильича, Коммунистическая партия Франции – левую руку, Коммунистическая партия Греции – правое плечо, Коммунистическая партия Испании – левое плечо, Коммунистическая партия США – правую ступню, Коммунистическая партия Германии – левое колено, Коммунистическая партия Нидерландов – большой палец левой ноги, Коммунистическая партия Англии – грудь, Коммунистическая партия Португалии – живот. Голову В. И. Ленина купил Арманд Хаммер, ягодичы вместе с анусом – Говард Хьюз. При тайной распродаже главные запросы от иностранных покупателей пришлись на гениталии вождя. Но они были вырезаны большевистскими варварами ещё при мумифицировании тела, затем засушены и хранились на ближней даче Сталина, в левом ящике его письменного стола, в золотой коробке под стеклом. После смерти Сталина решительный и мудрый Л. П. Берия изъясал ко-

робку с засушенными гениталиями вождя с дачи умершего и поместил её в

Гарин пролистнул текст дальше.

И вот, вот, вот, наконец, началось!

Взмывает вверх ало-золотистый занавес, сияют прожектора, и Джонни Уранофф, долгожданный в Одессе Джонни, своей неповторимой, ни на что не похожей пробежкой-походкой-танцем выкатывается на сцену. В узких белых брюках, в голубых остроносых ботинках, в цветастой гавайской рубашке навывпуск, с кудрявыми, непослушными волосами цвета спелой пшеницы, с загорелым, улыбающимся, белозубым лицом, ах, что же это за лицо! Узкие скулы, мужественный, упрямый в своей решительности подбородок, чувственные губы, нос с благородной горбинкой, густые, тёмные в отличие от волос, брови и глубоко-синие, морского тона глаза, с вызовом, с добротой и надеждой смотрящие в зал.

А что творится в зале Одесского оперного театра! Публика вскакивает с мест, кричит и хлопает. Партийные чиновники, военные гарнизона, работники органов госбезопасности, новые нэпманы, кооператоры, рыбаки и портовые биндюжники, блатные и интеллигенты, тётки с Привоза и дяди со Староконной барахолки – все приветствуют Джонни, неистового в своём искреннем и добром желании поко-

ритель после Москвы и Ленинграда теперь и Одессу-маму.

– Джони-и-и-и-и-и!!! – раздаётся всеобщий крик.

– Ура, Уранофф!! – кричит молодёжная галёрка.

И в ответ – грохот джаз-рок-банда, привезённого Джонни из далёкого Канзаса.

Все свои концерты в СССР очаровательный, мужественный, искристый в своей подкупающей непосредственности Джонни начинал неизменно песней “Hit The Road Jack”. Одесса – не исключение. Звонкий, глубокий и сильный голос звучит со сцены, с первых же тактов покоряя зал. Джонни пританцовывает в своей неповторимой манере, легко и изящно, очаровывая сидящих в зале женщин, сразу захлопавших в такт. Финал тонет в овации и криках. Но не успевают прогреметь последние аккорды песни, уже ставшей благодаря неистовому Джонни хитом в СССР, как он с ходу начинает другой хит, жгучий номер, уже по-русски – “Огненная Лола”.

*Где огонь твоих волос,
Опаливший сердце мне?
Тебя встретить довелось
Не в далёкой стороне.*

Песня чарующими океанскими волнами катится по залу, накрывая, подбрасывая и качая. И зал раскачивается в такт. Джонни двигается гипнотически, как сомнамбула, словно балансирует на гребне грозной волны. Финал охваты-

вает всех поглощающим приливом, женщины вскидывают руки, утопая в невыразимой нежности, – они готовы, готовы утонуть вместе с Джонни, уйти на дно русско-цыганского океана! Но он, неистово-красивый, начинает уже другую песню, “Sweet Little Sixteen”, и вслед за плавным приливом на зал обрушивается настоящий водопад. Молодёжь вскакивает с мест, танцует ставший уже модным в бериевском СССР, зажигательный в своей молодёжной безшабашности рок-н-ролл. За быстрыми синкопами – неторопливая, чувственная мелодия на русские слова: “Я спешу к тебе”.

Я немного подшофе, я летел из Санта-Фе,
Где с друзьями выпивал за нас с тобой.
Белокаменной Москвой по вечерней мостовой
Я спешу к тебе навстречу, сам не свой.

Казалось, время остановилось в Одесском оперном театре. Джонни привёз с собой чудо-остров, омываемый океаном любви с кущами нежности, гротами тайной влюблённости, водопадами безумно-мучительного наслаждения и непотухающим вулканом огнедышащих страстей. “Devil In Her Heart”, “Уноси нас, тройка!”, “Love Me Tender”, “Не целуй меня ночью белую”, “Rock and Roll Music”, “Выпьём водки, кореша!”, “Johnny B. Goode”, “Утонуть в твоих очах мне уготовано”, “Roll Over Beethoven” – и вдруг неожиданно, широко и мощно вступает симфонический оркестр, и первые такты ставшей народной, любимой всеми песни заставляя-

*ют зал встать, а Джонни спокойно и торжественно запе-
вает, положив правую руку на грудь:*

Суровой чести верный рыцарь,
Народом Берия любим.
Отчизна славная гордится
Бесстрашным маршалом своим¹⁴.

Советские люди прекрасно знают эту песню, ставшую гимном великому человеку, совершившему неповторимый и беспрецедентный в своём прогрессивном размахе поворот в истории Страны Советов. Несравненный в своей мудрости и проницательной последовательности, Лаврентий Берия не только продолжил дело великого Ленина, обновив руководство КПСС, начав Новый НЭП, но и вывел СССР на новую идеологическую орбиту, гениально соединив социализм с православием и новой экономической политикой, что привело к поистине небывалому расцвету страны, доказавшей всему миру свою

Гарин зевнул и пролистнул текст.

Часы на Театральной площади показали двадцать три минуты первого, молодой, очаровательно тонкий месяц снова выплыл из-за угрожающе рваных туч, и Ляля снова, сно-

¹⁴ Отрывок из песни “Песня о маршале Берия”, авторы В. Мурадели, А. Лугин.

ва, снова, снова уже в четвёртый раз взмолилась, обращаясь к нему:

– О ночное светило, покровитель любовников и поэтов, фей и русалок, филинов и летучих мышей, помоги же мне в благородном и высоком деле моём!

И словно по столь необходимому в такие мгновения волшебству, двери шикарного, лучшего в Одессе ресторана “У Дюка”, выходящие на полуночную, призрачно-серебристую площадь, распахнулись, возник пчелиный шум голосов, засуетилась суровая охрана, подкатил роскошный розовый кадиллак с изумительными плавниками, шофёр выскочил, слапомоподобно обежал длинную машину, ловко открыл дверцу, сгибаясь в холуйском полупоклоне. И тут же пёстрая, жадная женская стая кинулась-метнулась к кадиллаку из сквера и переулков:

– Джо-о-о-о-онни-и-и-и-и!!!

Но охрана даром хлеб не ела. Кольцо богатырей в чёрных костюмах, разведя чёрные руки, стальными надолбами выросло на пути стаи. И пёстрой уличной кошкой она застряла в них. Визги, мольбы и крики, мелькание букетов и женских сумочек, плевки и проклятия. Ляле ужэсэсэсэсно хотелось броситься к розовой кадиллачной прелести вместе со всеми, но она взяла себя за острые локти, дрожа коленками, медленно-напряжённо подошла:

– Спокойно, Марго, спокойно...

Её сердце, сладко измочаленное концертом и ожиданием,

забилось оглушительно. В ушах ещё продолжало, продолжало, продолжало звенеть.

И вдруг! Сквозь трепыхающуюся на чёрных надолбах кошку-толпу она увидела ЕГО. Богоподобный Джонни выходил из ревущего ресторана, поддерживаемый под руки слева полноватой, задастой женой секретаря горкома партии, справа – худой и вызывающе длинноногой женой мэра. Обнявшиеся и пьяные секретарь и мэр выкатывались, выкатывались следом. В джинсах и распахнутой на груди модной белой рубашке без ворота несравненный Джонни пьяновато-элегантно покачивался на женских руках. Обе женщины вели его, как сокровище сокровищ.

– А вот и лучшие девушки вашего города?

– Джонни, мы вас не отдадим!

– Джонни, я тебя не отдам никому! – Пьяная жена мэра уже дважды выпила с ним на брудершафт.

– Ну леди, это что... матриархат?

– Мат-т-триархат, да!

Из смертельно раненной кошки-стаи в Джонни полетели букетики. Вопли зазвенели. Но охрана стояла насмерть.

– Джонни, ты готов на рас-тэр-зание? – захохотал секретарь горкома, молодой, черноволосый, носатый Гоглидзе.

– Владимир Сергееч, в вашем городе я готов на всё.

– Во-вва, не дури! – Вся в золоте-бриллиантах, блондинка-жена секретаря ещё крепче приобняла-обхватила звезду.

– Вася, мы едем к нам! Не-ммедленно! – топнула алой

остроносой туфлей длинная жена мэра.

Мэр города Прокопенко, коренастый, животастый, губастый, щегольнул плохим английским:

– With pleasure, honey!

– Друзья дорогие, увы, я не смогу. – Джонни вскинул загорелые красивые руки. – Пощадите, Христа ради! Нам завтра лететь у Київ...

– Перенесём! И концерт!

– Вова, звони Козлову! Пусть переносит!

– Well that... goddamn...that's really... truly not possible, no matter how fuggin' sore I am about it... – Джонни соскользнул на свой канзасский.

– In my Odessa everything is possible! – Мэр поднял толстый-короткий палец.

Но вмешался пьяновато-взъерошенный антрепренёр Анатоль:

– Дамы, товарищи, господа, умоляю вас пощадить артиста! Нам лететь завтра, и завтра же концерт в Киеве, это ответственно, это серьёзно, очень серьёзно!

– И слушать н-не хочу! – Жена резиновой каланчой повисла на Джонни, оплела длинными загорелыми руками, залезая под рубашку.

Но Гоголидзе вмешался:

– Дамы, отпускаем дорогого! Он вернётся.

– Я вернусь зимой.

– С новой программой! – затрясся антрепренёр.

– Н-н-е отпустим!

– Не отпусти-и-м!!

– Ша! – Гоглидзе сделал грозно-решиительный кавказский жест рукой. – Артисту нужен отдых, да? Он так сегодня спел, слушай, да?

– Нужен, нужен... – закивал-застонал антрепренёр.

– Нужен! Слегка... – тряхнул золотистыми волосами Джонни и устало рассмеялся.

– Нет, нет, нет! – тискали его дамы.

– Я вернусь... вернусь... – Джонни с улыбкой стал очаровательно выворачиваться из цепких женских рук.

Женщины пьяно и мокро зацеловывали его. Гоглидзе и антрепренёр помогли оторвать их от Джонни. С облегчением он шагнул к распахнутой дверце кадиллака. И тут Ляля рванулась через издыхающую, обессилевшую стаю и чёрные надолбы.

– Ку-у-уда?! – Две железные руки клещами цапнули её.

Рванулась!

Из последних сил.

В одной клешне оставила кусок зелёной блузки, в другой – половину серо-шёлковой юбки. И оказалась перед Джонни. И увидела его тёмно-синие глаза. И золото волос. И вдохнула его запах, запах, запах.

– Джонни, прошу прощения, – выдохнула она из себя воздух, словно перед смертью, прижала худые, тонкие, красивые руки к груди.

– Да, девушка? – Влажные нежно-мужественные губы его устало разошлись.

– Я женищина, – быстро ответила она, борясь, борясь с дрожью в голосе.

– Прекрасно! – рассмеялся он.

– Нам переходят д-дорогу?! – Жена мэра жёстко уперлась длинными руками в узкие бёдра.

– Эй, барышня, вы кто и откуда? – повёл-погрозил густыми бровями Гоглидзе.

– Я не партийка, не нэпманиша, не торговка с Привоза и не сы-чи с пляжным косячком, – быстро заговорила Ляля, устремившись гиперболоидами своих зелёных глаз в синие озёра глаз Джонни. – Я поэт. И очень хотела бы поговорить с музыкантом.

– Поэт? – пробормотал Джонни.

Но клеищи охраны схватили её, подняли-подвесили над недавно хорошо вымытым асфальтом.

– Прошу вас! – зло воскликнула она на весу.

– Подождите, – бросил он охранникам.

Лялю опустили.

– И о чём же вы... – начал он, но потно-пьяные руки жён хозяев Одессы снова с похотливо-несбыточным воем потянулись к нему.

– Поехали! – Он легко, сильно и чрезвычайно приятно схватил Лялю за плечи, одно из которых торчало в прорехе, и почти вбросил в машину, словно в топку локомотива. – До

свидания, товарищи!

Антрепренёр, трясясь, брызжа слюной, раскланиваясь, сел вперёд, к водителю.

Джонни пьяно-очаровательно-проворно влез сам, столкнувшись, сплетаясь с Лялей.

И снова – его золотые волосы. И запах. Запах!

Двери захлопнули.

– Джонни, возвращайся!! – завывли-заревели снаружи потные тела.

– Я вернусь, – выдохнул он в лицо Ляли.

Отстранился. И понял, что она красива.

– Жми! – крикнул-взвизгнул антрепренёр водителю. Хищно-розовый кадиллак рванулся с места.

Мягкий, переливчатый гонг поплыл по коридору, приглашая всех обитателей санатория на ланч.

– Ага... – Гарин закрыл текст.

Встал. Потянулся. Повернул голову на крепкой шее влево до предела, постоял, разглядывая карту Алтайской Республики на стене. Повернул голову до предела вправо. И в который раз увидел сосновый бор, залитый полуденным солнцем. Задрал голову вверх. На потолке висела плоская матовая люстра. Опустил голову вниз. На левом ботинке был кусочек папиросного пепла.

Гарин глубоко вздохнул, развёл руки. Постоял, задержав дыхание. И шумно выдохнул, обнимая невидимый мир ру-

ками, прижимая к своей широкой груди.

– Обед, не наделай синих бед, – традиционно произнёс он, топнул левой ногой, огладил бороду, поправил халат и зашагал из кабинета.

В широкой, просторной, залитой солнцем столовой стояли лишь два огромных овальных стола. Синий стол предназначался пациентам, за красным обедали врачи, медсёстры и санитары. Две подавальщицы развозили еду на тележках. Гарин прошёлся по зданию, как он любил делать перед ланчем, и вошёл в столовую, когда уже почти все сидели на своих местах. Кивнув обедающим, он уселся за красным столом между сестрой-секретаршей Машей и Штерном, налил себе стакан горной воды и с удовольствием опустошил его.

Маша ела салат, доктор Штерн – суп-пюре.

– Bon app é tit! – громко пожелал им Гарин, заправляя за ворот салфетку и расправляя на ней бороду.

Обедающие ответили ему тем же.

– И как? – Он навёл пенсне на суп.

– Вполне, – вытянул губу тот. – Спаржа, картофель, лук-порей.

– Платон Ильич, – заговорила Маша. – Борис отказался от укола. Мы не стали принуждать.

– Правильно. Я уговарю его.

Он оглядел синий стол. Сильвио и Владимир, как всегда, сидели рядом, Синдзо, Эммануэль и Джастин сели вместе,

Ангела неторопливо вползала в зал, обмахиваясь чёрным японским веером, Дональд сидел отдельно, поигрывая большой пустой чашей, готовясь к своему миху-миху. Бориса ещё не было.

К Гарину подъехала подавальщица.

– Супчика! – улыбнулся ей он.

– Прошу вас. – Она подала суп.

– Что слышно с фронта? – спросил Гарин, взял ржаную булку, сразу откусил половину и стал громко хлебать суп.

Он ел, как и ходил, размашисто и широко.

– Всё по-старому, – ответил Штерн.

– Не совсем. – Маша с привычным высокомерием разглядывала поедаемый салат. – Артобстрел ночью. Двенадцать убитых.

– В пределах границы, – пожал плечом Штерн. – Это тянется второй месяц.

– Артобстрел был интенсивный.

– Окопная война...

– Интенсивность ночных обстрелов растёт.

– Рутинная...

– Может легко обернуться антирутиной.

– Маша, мы это обсуждали не раз. У республики крепкая армия.

– Как сказать...

– Они профи. И им хорошо платят.

– Есть времена, когда деньги бессильны.

– У нас они ещё не наступили, – возразила Пак.

– Ой ли? – презрительно усмехнулась Маша.

Штерн с обидой качнул головой:

– Маша, какая же у вас удивительная способность портить аппетит.

– Андрей Сергеевич, это всего лишь self.

Гарин моментально расправился с супом, отодвинул тарелку. В столовую вкатился Борис.

– Почему я никогда не слышу гонга?! – завопил он на всю столовую.

– Потому что у тебя остывший поридж в ушах! – выкрикнул Дональд и надолго расхохотался.

Не обращая внимания на хохочущего Дональда, Борис подкатился к свободному стулу подальше от всех. Подпрыгнул на ягодицах, сел, шлёпнул ладонями по столу:

– Мяса!

Подавальщица подвезла тележку, поставила перед Борисом накрытую крышкой тарелку, сняла крышку. Всю тарелку занимал большой стейк.

– Горчицы!

Подавальщица поставила перед ним плошку с его горчицей. Он моментально вывалил горчицу на мясо, размазал ножом, схватил вилку и стал кромсать и есть стейк. Отдохотавшись, Дональд нетерпеливо забарабанил кулаками по столу. Вторая подавальщица подвезла ему литровый стакан кока-колы со льдом, порцию жареных куриных крылышек с

картошкой и кукурузой и облитое жидким шоколадом мороженое. Он вывалил в чашу крылышки, мороженое, залил всё кока-колой, схватил ложку и стал громко перемешивать. Закончив, отшвырнул ложку, сцепил руки, прочитал благодарственную молитву, взял чистую ложку и принялся жадно хлебать из чаши.

– Вот аппетиту кого надо завидовать! – с улыбкой произнёс Сильвио, обращаясь к Владимиру.

– Это не я, – ответно улыбнулся тот.

Сильвио подали его неизменные спагетти biancas, Владимиру – гречневую кашу с жареными грибами. Эммануэль что-то вполголоса сказал Синдзо и Джастину, и все трое рассмеялись.

– Не нахожу ничего смешного! – заметил Борис, кромсая стейк.

– Борис, мы обсуждаем последствия Договора Малой Жопы.

– Мы же договорились о политике говорить только за ужином, – строго заметила Ангела.

– Ангела, мы не о самом договоре, а о последствиях, – улыбнулся Эммануэль. – Никакой политики!

– Переселение народов?

– Именно! Разве это политика?

– Владимир, как у вас сейчас с переселением народов? – рассмеялся Сильвио.

– Это не я, – жуя, пробормотал тот.

– Только дурак может над этим смеяться! Это трагедия! – выкрикнул Борис и, отбросив нож и вилку, схватился за лицо и разрыдался. – Иди... оты...

Эммануэль, Синдзо и Джастин переглянулись.

– Борис, мы смеялись вовсе не над переселением, – заговорил Эммануэль. – А над меню торжественного ужина того эпохального дня, когда в Страсбурге был подписан Договор Малой Жопы.

– Я помню тот ужин, – осторожно ела суп Ангела. – Что же там было смешного?

– Помнишь ли ты десерт?

– Ну... был какой-то огромный торт.

– Да, торт! А что украшало этот торт?

– Что-то не припоминаю...

– На торте стояли совокупающиеся бронтозавр и тираннозавр. Причём бронтозавр оприходовал тираннозавра!

– Что-то не помню...

– Точно! – воскликнул Сильвио. – Я помню прекрасно! Бронтозавр из белого шоколада, а тираннозавр из чёрного! Бронтозавр вставил тираннозавру! А, Владимир?

– Это не я.

– Да! Да! Да! – завопил вдруг Борис и расхохотался. – Помню! Сладкие фигурки!

– Символы победы демократии над тёмными силами, – подсказал Эммануэль.

– Благие намерения, – грустно кивал Синдзо, жуя рис.

– Динозаврики! – замахал вилкой и ножом Борис. – Мои любимые! Я тогда отломал тираннозавру голову и угостил свою подружку! Скоро у меня будет свой парк Юрского периода! Всех вас приглашу! Хотя нет... не всех.

Он показал язык Дональду, хлебавшему свой міху-віху.

– Ваш Договор Малой Жопы, который потом в Брюсселе торжественно обозвали Квадратной Жопой, не стоит и выеденного яйца, – забормотал, не переставая неряшливо есть, Дональд. – Это не просто ошибка, а преступление.

– Дональд, ты уже говорил об этом, – мягко возразил Эммануэль.

– И ещё раз повторю.

– Это уже скучно, Дональд, – усмехнулась Ангела, намазывая масло на хлеб.

– В Брюсселе этому бездарному договору поставили памятник! Немыслимо! – зло усмехнулся Дональд. – Какой-то бездарный скульптор отлил из бронзы бездарную квадратную жопу! Великий договор, изменивший Европу к лучшему! Великая Квадратная Жопа! Смешно! Надо было просто отлить плоскую жопу. Из свинца. Положить перед Европарламентом, чтобы все ходили по ней и вспоминали, что вы сделали тогда.

– Дональд, ты несёшь чушь.

– Чушь, чушь, Дональд.

– Наш договор изменил не только Европу, но и весь мир.

– Мы все изменились.

– Что, в лучшую сторону?! – зло воскликнул Дональд, брызжа едой. – Плоская, плоская жопа! Вот что тогда стало с миром!

– Mamma mia! Он против Малой Жопы! – воскликнул Сильвио, словно впервые услышал это название. – Ты слышишь, Владимир?!

– Это не я.

– Дональд, до Квадратной Жопы тебе с твоим убогим апрельским указом было как до Луны. – Ангела отправила бутерброд в широкий напомаженный рот.

– Он тогда нравственно отстал, а теперь не может нам это простить! – рассмеялся Эммануэль.

– Доктор Гарин, как это называется в психиатрии? – громко спросила Ангела.

– Не ссорьтесь, господа, не ссорьтесь! – потрянул бородой Платон Ильич. – Пищу надобно принимать спокойно.

– Не ссорьтесь! – с улыбкой обратилась Пак к синему столу. – Смотрите, какое сегодня вкусное и разнообразное меню!

– Я – нравственно отстал? – усмехнулся Дональд. – Джастин, ты слышал, дружище? Синдзо-сан? Мой указ от 23 апреля, если отливать его в бронзе, это не Плоская и не Квадратная, а Кубическая Жопа! Или даже – Жопа Гиперкубичес! Жопа Вектор! Ей нужно ставить памятники на всех континентах! Я спас тогда мир, который вы своей Квадратной Жопой поставили на грань катастрофы! И приползли потом

ко мне за помощью!

– Дональд, ты преувеличиваешь!

– Всё наоборот! Ровно наоборот!

– Я – приполз к тебе? – куртуазно рассмеялся Эммануэль. – Не смеши, Дональд!

– Не смеши нас, Дональд. – Ангела принялась за жареную свинину с кислой капустой.

– Смешит, смешит нас старик Дональд, а, Владимир? – ловко наматывая спагетти на вилку, Сильвио толкнул соседа в бок.

– Это не я, – спокойно ел кашу Владимир.

– Кто тебе дал право смешить? – зло выкрикнул Борис.

– Дональд, твой указ от 23 апреля был своевременным, – заговорил Джастин. – Но всё же он несопоставим с Квадратной Жопой.

– И ты туда же! – взмахнул руками Дональд. – Мой указ сияет над миром новой планетой! Мир живёт по нему до сих пор! По нему, а не по вашей Квадратной Жопе!

– Господи, как я устала от этого... – сморщилась Ангела.

– Дональд, смени тему!

– Зачем обсуждать то, что уже не вернёшь? Невозможно срубить поваленное дерево.

– Вы правы, Синдзо-сан...

– Дональд, ты нас утомляешь!

– Кто тебе дал право утомлять? – выкрикнул Борис и швырнул в Дональда куском мяса.

– Так. Внимание... – Гарин взглянул на обедающих санитаров.

Дождёвая, они стали быстро вытирать рты салфетками.

Не обращая внимания на Бориса, Дональд резко отодвинул свою чашу, влез на стол, прополз до середины, легко перевернулся на голову и стал крутиться на месте, показывая всем свою белую, усыпанную рыжими веснушками задницу:

– Вот вам Жопа Гиперкубикус! Любуйтесь!

Борис схватил плоску из-под горчицы и запустил в Дональда. Тот продолжал вертеться и победоносно кричать. Борис стал метать в него всё, до чего мог дотянуться, – вилку, нож, тарелку, солонку, перочницу.

– Кэйхо!! – вдруг грозно-пронзительно закричал Синдзо. Санитары вскочили со своих мест.

– Коктейль № 3! – распорядилась доктор Пак.

Сёстры тоже вскочили.

– Обоим! – скорректировал Гарин и спокойно показал мизинцем на блюдо с тушёными овощами.

– Вот и *наша* антирутина началась... – Маша принялась накладывать ему овощи.

Кофе и десерт были поданы в кабинет Гарина. Пак и Штерн сидели в креслах с чашками в руках. Гарин курил и громко прихлёбывал чёрный кофе за своим столом.

– И всё-таки удивительно: почему именно на ланче? – Пак смотрела на кедровый бор за окном. – По всем законам, пик подобного эксцесса – вечернее время.

– Доктор, у нас великолепная восьмёрка. – Штерн потянулся нижней губой к краю своей чашки. – Синусоиды их психосомы смещаются непредсказуемо. Потому что пациенты взаимоиндуцируют друг друга.

– Они единый организм. – Гарин, как паровоз, шумно выпустил мощную струю дыма. – Мы обсуждали это не раз.

– Шизоиндукция. – Пак кивнула своей аккуратной мальчишеской головой.

– Шизоиндукция! – откинулся в кресле Гарин.

– Мне кажется, в данном случае это не совсем корректный термин, – мучительно поморщился Штерн.

– Отчего же?

– Шизоиндуктивность характерна для разобщённых субъектов. Один встречает другого или нескольких, индуцирует, заражая своей синдроматикой. И заражает потому, что сверхценная идея абсолютно *сверхнова* для заражаемого, она потрясает и овладевает им. Здесь же никто из них не способен потрясти, заразить другого или всех чем-то новым. Для них нет нового, как вектора.

– Они слишком хорошо знают друг друга! – согласилась Пак. – Слишком психосоматически притёрлись.

– Десятилетия! – кивнул Гарин. – Они не индуцируют, а провоцируют друг друга.

– Тогда это не шизоиндукция, а резонансная шизофрения.

– Возможно. Есть один нюанс. – Гарин привычно забара-

банил по столу тяжёлыми пальцами. – Вы сказали, доктор, что пациенты не способны потрясти друг друга новым. Верно. Но они потрясают друг друга старым!

– Конечно! – Пак встала, хлопнула в маленькие ладоши. – Конечно! Новое для них возможно только в прошлом. Как неиспользованная возможность.

– Или как невозможное использование, – заключил Штерн.

– Нового в реальном мире для них нет и быть не может.

– Быть не должно! – барабанил пальцами Гарин.

– Быть не должно. Остаётся только провокация как ревизия прошлого.

– Они используют прошлое как бесконечный шизоисточник взаимопровокаций. Дипсомания, гиперкинез, шперрунги, ангедония – лишь оболочка синдрома.

– Для них прошлое – мешок без дна, – угрожающе произнёс Гарин, гася окуроч.

– Exactly! – хлопнула в ладоши Пак. – Тот самый мешоч из “Тысячи и одной ночи”, в котором и спрятан весь мир. Спасибо, доктор! Хотите, я сделаю вам массаж?

– Хочу! – Гарин оттолкнулся ногами от пола, выкатился на кресле из-за стола.

Пак подошла сзади и стала массировать ему шею и плечи.

– Нам надо рассматривать их только как единый организм, – заговорил Гарин, щурясь на солнце. – Тогда мы добьёмся успеха.

– Но они ведь никогда не жили вместе. – Допив кофе, Штерн встал и заходил по кабинету. – Они не ощущают родства.

– Они вместе управляли миром.

– Это больше, чем жить вместе. – Пак с силой мяла могучие плечи главврача. – И это сильнее, чем родство.

– Мешок без дна... – задумчиво повторил Гарин, оглаживая бороду. – И мы для них тоже в этом мешке. Наша задача – вылезти из мешка. И стать тем судьёй, который приказал открыть мешок.

– Признаться, я подзабыл... что же оказалось в том мешке? – спросил Штерн, подходя к окну и осторожно трогая стекло кончиками длинных пальцев.

– Хлеб, сыр, маслины и лимон.

– Всё, что нужно для странствующего! – засмеялась Пак.

– Или для заключённого, – сурово заметил Гарин. – В нашем случае вместо хлеба у них бред особой миссии.

– А вместо сыра – ипохондрический гигантизм.

– Вместо маслин... – Штерн почесал бровь холёным ногтём. – Пожалуй, бред ущерба.

– Тогда на лимон остаются только анально-сексуальные сенсации!

Гарин положил одну титановую ногу на другую:

– Коллеги, я чрезвычайно рад, что у великолепной восьмёрки нет прогрессирующей шизофазии. Свои мысли они выражают ясно, даже Дональд и Борис.

– А Владимир?

– Он стабилен. И адекватен.

– Пока, во всяком случае... – пожал узким плечом Штерн, постукивая по стеклу.

– И ваши коктейли, доктор, тому порука! – Гарин поймал маленькую руку Пак и быстро поцеловал её. – Вы не представляете, как мучительно работать с шизофазией.

– О, представляю! – воскликнула Пак. – Но с вами мы преодолеем всё.

Штерн улыбнулся:

– Как часто повторяет наша Ангела: wir schaffen das¹⁵.

После общения с коллегами, накинув на плечи альпийскую войлочную куртку с вышитыми дубовыми листьями на замшевых отворотах, Гарин решил прогуляться по территории санатория, как он делал всегда после ланча. С западной стороны к санаторию примыкал обширный парк с газонами, где помимо сосен и пихт росли дубы, липы, каштаны, а над небольшим искусственным прудом склонялись декоративные ивы. Гарин прошёлся по замощённым дорожкам, встретив Ангелу и Синдзо, двух медсестёр и старого садовника. Проходя мимо ограды, он заметил за её стальными прутьями невысокого человека. При виде Гарина тот подошёл ближе и приподнял шляпу, обнажив лысую голову.

– Простите великодушно! – обратился он к Гарину.

¹⁵ Мы справимся (нем.).

Платон Ильич остановился.

– Кузьмичёв Кузьма Иванович, – представился незнакомец, держа шляпу у груди.

Гарин различил, что человек одет скромно, но аккуратно; за спиной его висел рюкзак.

– Что вам угодно? – спросил Гарин.

– Тараканы, клопы, блохи, вши, мокрицы, – быстро произнёс человек.

Круглое лицо его с картофелиной носа украшала маленькая клякса усов.

– И что... клопы, блохи? Беспокоят вас? – не понял Гарин.

– Вывожу. Экологически чистыми и исключительно народными средствами.

– Ах, вот что.

С человеком была такса, дотянувшаяся до верха бетонного основания ограды и просунувшая узкую морду сквозь прутья.

– Признаться, тараканов у нас сроду не водилось, клопов тоже. Вши – да, были во время войны, но она уже, к счастью, закончилась. Блохи... мы не держим собак. Есть один кот, да и тот фараонский. Не в чем блохам заводиться.

Человек понимающе кивал круглой головой.

– А как насчёт мокриц? – спросил он.

– Не встречал, – честно признался Гарин.

– На кухне, в подвале или в душевых помещениях?

– Возможно... не знаю. Не нахожу вреда в мокрицах.

– О, как вы ошибаетесь! – Кузьмичёв прижал шляпу к груди. – Мокрицы – опаснейшие создания, разносчики всевозможных заболеваний. Если взглянуть в обычный мелкоскоп на мокрицу, она поразит вас своим агрессивным видом. Если же вы рискнёте взглянуть на неё в мелкоскоп электронный, вы можете надолго потерять душевное равновесие.

– В ближайшие годы я точно этого делать не стану. – Гарин достал папиросу.

Пока он закуривал, незнакомец выжидательно молчал.

– Я беру недорого. Но работаю исключительно чисто и профессионально.

– Право, не знаю... – пожал плечом Гарин. – Ну... ладно, ступайте на кухню. Сошлитесь на доктора Гарина.

– Благодарю вас! – радостно оживился человек, надел шляпу, поддёрнул таксу и направился к калитке.

Гарин достал свой клинообразный смартфон FF40, позвонил роботу-вахтёру:

– Фёдор, пропусти человека с таксой и рюкзаком.

Неподалёку открылась калитка, Кузьмичёв вошёл. Такса семенила рядом. Под широкими брюками незнакомца виднелись забрызганные грязью резиновые сапоги.

– А такса помогает вам искать клопов и мокриц? – спросил Гарин.

– Нет, это просто друг.

– Ясно.

Платон Ильич двинулся дальше по парку, Кузьмичёв за-

спешил к санаторию. Дойдя до прудика, Гарин сел на любимую скамейку между двумя ивами, докурил папиросу, зевнул, снова достал FF40, открыл роман Воскова, стал читать.

— О чём же вы, женищина и поэт, хотите спросить музыканта? — Джонни очаровательно-пьяновато покачнулся, обнял пузатый, расписанный под хохлому холодильник, а потом и грубо открыл его.

Ляля одиноко и трогательно стояла посередине большого, шикарнoго номера с антикварной, покрытой позолотой мебелью.

— Что выпьем? — Он достал-вытянул из холодильника ледяную бутылку советского брjута.

— Не знаю... — Она мягко и жестоко взяла себя за локти.

— Советского шампанского?

— Да, можно...

С неловкой очаровательностью он открыл, проливая обильно на журнальный стол, мокро наполнил бокалы, взял, пошёл, пошёл к Ляле. Она стояла перед ним, держа себя за локти, словно жёстко останавливая, голое плечо торчало сквозь прореху.

— Как они вас порвали! — Пьяновато и как-то по-разбойничьи усмехнулся Джонни, протягивая ей бокал. — Вы решительная?

— Временами... — пробормотала она, принимая бокал непослушной красивой рукой.

Бокал задрожал несчастно, закапал на ковёр.

Джонни чокнулся и сразу жадно ополовинил свой, пошёл к дивану, устало сел-развалился с роскошной пьяной наглостью, закидывая остроносый ботинок на колено:

– Присаживайтесь. Как вас зовут?

– Ляля, – произнесла она, стараясь не уронить бокал и глядя на Джонни.

Возникла короткая грозная пауза.

– Что-то не так? – спросил он, приглядываясь.

– Нет, всё хорошо. Очень хорошо, – тяжело и страшно вздохнула она.

– В чём же дело?

– Дело в том, Джонни, что...

– Что?

– Что меня трясёт.

– Ах, вот оно что! – рассмеялся он расслабленно и шлёпнул рукой по дивану. – А вы садитесь поближе! И всё пройдёт.

В порванной юбке она подошла, подошла, подошла, еле переставляя красивые ноги.

Села.

Он придвинулся к ней, стал в упор, как пьяный нежный врач, разглядывать её лицо.

– Вы поэт.

– Да.

– Вы... красивая.

– Говорят.

Губы её дрогнули гримасой очаровательной жалости.

– Почему не пьёте?

Он чокнулся своим бокалом.

Она скосила зелёные глаза на свой дрожащий бокал, обхватила ладонями, чтобы не разлить, испугалась вмиг, что раздавит, и тут же выпила, выпила, выпила залпом желанное, игристое, ледяное вино.

– Great! – Он допил свой, отобрал у неё бокал, словно ёлочную игрушку у описавшейся девочки, поставил бокалы на пол.

Взял её руку. Мягкую, прелестно-безвольную.

– Были на концерте?

Она кивнула, не в силах оторваться от этого близкого, желанно-пугающего лица.

– Понравилось?

Она кивнула. И вдруг рыгнула.

Он тепло и устало рассмеялся и положил потную, сильную, шершавую ладонь ей на щёку.

– Извините... – пробормотала она.

– Что же поэту понравилось у музыканта?

Вино быстро и чарующе действовало. Она стала приходить, приходить в себя.

– Мне?

– Да, вам. Как же вас зовут, красивый поэт?

– Вы уже спрашивали. Ляля.

– I'm sorry! Ляля... – Он гладил её щёку. – О чём вы пишете? О любви?

– О смерти тоже.

– Прочтите.

Она набрала, набрала воздуха и заговорила полушёпотом, нараспев:

Взывает, рвётся, багровеет и рушится, благословясь.

В пурпуре ночи пламенеет вчера зажжённый
юный князь.

Он так горит, как плазмой дышит, и, наклоняясь
над водой,

Предсмертный бой курантов слышит,
полунемой, полуживой.

Полунемой, он не расскажет. Полуживой,
он не спасёт.

В свой красный гроб смиренно ляжет
и “аллилуйя!” пропоёт.

Химеры ночи отпылают, а тела огонь пожрёт глаза.

И в одиночестве растают оснеженные небеса.

Джонни сильно и страшно смотрел в упор. Рука, замершая на её щеке, ожила, двинулась грубо дальше, обхватила мягко-властно прелестную тёплую шею, потянула, потянула. Губы его влажно-настойчиво раскрылись. Но её ладони упёрлись, упёрлись в его разгорячённую грудь.

– Нет, нет...

– Что? – Он непонимающе и страшно остановился.

– Джонни. – Глаза её изумрудные, смарагдовые, с мельчайшими вкраплениями терракоты, сердолика. – Я же сказала, что я не пляжная курильница травки.

– Вы... ты не хочешь меня?

– Хочу. Но не так.

– Как же?

– Вот так. – Она размахнулась и сильно ударила его ладонью по щеке.

Под внезапную торжественную органную музыку над текстом вспыхнула голограмма: слон, входящий в пустой собор Святого Петра. Это был традиционный сигнал к дневному сну, обязательному для Гарина.

– А он не графоман! – удовлетворённо и громко произнёс Платон Ильич, закрывая текст.

Второй слон вошёл в собор. За ним – третий. Гарин зевнул – широко и страшно. Затем решительно встал и зашагал к санаторию. Когда в собор входил двенадцатый слон, он обычно засыпал.

Дойдя до своего номера, он помочился, разделся до трусов и старомодной бледно-синей майки, снял пенсне и повесил его на настольную лампу, положил смартфон с торжественно звучащей голограммой на стол, забрался в свежую постель и тут же заснул.

Последние десять лет доктор Гарин редко видел сны. Но если и видел, то лишь в дневное время. Ночи его, к счастью,

проходили без сновидений. Или, может, он просто забывал свои сны. На этот раз ему приснился яркий, большой и подробный сон.

Утро. Синее безоблачное зимнее небо, солнце изливает лучи на блестящую снежную равнину. Лёгкий мороз приятно щиплет ноздри и щёки, воздух изумительно свеж, бодр и приятен, дышать им – наслаждение. Гарин с Перхушей едут по снежному полю. Впереди – дома деревни с заснеженными крышами, из труб тянутся вверх дымы.

– А вот и Долгое, барин! – произносит Перхуша радостно и насмешливо, в лишь ему одному присущей манере. – Стало быть, добрались!

Гарин поворачивается к нему и видит совсем рядом лицо Перхуши – большое, занимающее всё пространство зимнего пейзажа, от поля до неба. Это остроносое, бородатое, как бы сорочье лицо, до боли знакомое, с рыжеватыми, слипшимися волосами, с инеем в бровях, с вековой крестьянской грязью в порах кожи, с вечно прищуренными глазками вызывает у него невероятный приступ чувства родства. Слезы застыт глаза, Гарин обнимает возницу и прижимается к его лицу, целует грубую, холодную от мороза кожу.

– Добрались, добрались, а как же... – бормочет Перхуша, неловко посмеиваясь.

– Дорогой мой, родной мой человек... – бормочет Гарин. – Спасибо тебе... спасибо...

От Перхушиного лица пахнет крестьянством: избой, хлебом, печкой и свежеиспечённым в этой печке ржаным хлебом. И эти запахи вызывают у Гарина новый поток слёз. Он рыдает, обнимая Перхушу.

– Так ведь доехали, барин, доехали! – смеётся Перхуша.

– Доехали... доехали... спасибо тебе, родной мой... – Гарин рыдает не оттого что доехали, а оттого что Перхуша жив, и сам он жив, и всё хорошо, и солнце яркое, и небо синее, и чистый воздух, и дымы из труб, и так хочется жить, любить, работать, преодолевать и созидать.

Самокат въезжает в Долгое. Гарину сразу хочется найти Зильбермана, передать ему вакцину, успокоить и обнадежить, помочь вакцинировать деревенских. Они едут по главной улице, Гарин спрыгивает с самоката, идёт в избу. В ней красиво и аккуратно, тепло, всё на своих местах, топится печь, но людей нет. “Где же они?” – спрашивает Гарин у Перхуши. “Нешто у соседей!” – отвечает тот. Они идут в соседнюю избу. Там точно так же – печь топится, но никого нет. Они обходят все избы, и вдруг Перхуша догадывается: “Барин, так нынче суббота, банный день, стало быть, в баню все пошли!” – “В баню, конечно!” – радостно понимает Гарин, они идут, спешат по глубокому снегу, залитому ярким солнцем, снега много, он хрустит, сыпется, вязнет под ногами, они проваливаются по грудь в снег, идут к бане по каким-то заснеженным оврагам, разгребая снег, Гарин словно плывёт в белом ярком снегу, сжимая в руке саквояж с

драгоценной вакциной, поднимает его вверх, чтобы не потерять. Наконец впереди виднеется баня. Она маленькая, косяковая, невзрачная и вся завалена снегом. “Что ж они выбрали такую убогую баню?!” – думает Гарин. Он подходит к бане, с трудом оттягивает, открывает перекошенную дверь и попадает в тёмное пространство. Это что-то вроде подземелья с огромными пещерами, ходами и ответвлениями; здесь полумрак, пахнет землёй, прелью, видны корни деревьев, но горят и светятся гнилушки, болотные ночные цветы. Гарин идёт по подземелью и вдруг оказывается в огромной пещере. От её размера захватывает дух. В пещере сгрудилось, собралось всё население Долгого. Мужики, бабы, дети, старики и старухи, все голые, мокрые, сгрудились под огромными земляными сводами и трутся руками, словно моются, делая вид, что это баня, хотя здесь холодно, и промозгло, и что-то хлюпает под ногами. Гарин приближается к ним, заговаривает, спрашивает, где Зильберман; они что-то бормочут, посмеиваются, продолжая тереться мокрыми руками; он понимает, что они его дурачат, начинает расталкивать их, думая, что их надо быстрее привить, чтобы они не стали зомби, если их покусает, тем более что они залезли под землю; но они дурачатся, бормочут и хихикают, нехотя пропуская его, он кричит на них, замахивается саквояжем, с трудом расчищая себе дорогу в этой мокрой, бормочущей голой толпе, наконец, он начинает просто орать: “Зильберман! Зильберман!!”; это вызывает хихиканье и насмешки мокрой крестьянской

толпы; он в бессильном гневе лупит их саквояжем, толкает, распахивает, пролезает сквозь них, протискивается, понимая, что Зильберман, который терпеть не мог таких деревенских дураков, где-то рядом, совсем рядом; он влезает в узкий земляной проход, ползёт по нему в изнеможении и гневе, наконец, протискивается сквозь сужающуюся, сильно пахнущую перегноем землю и вваливается в небольшую пещеру; здесь обустроен какой-то пещерный уют, горят свечи, светятся гнилушки, какие-то травы засушены и развешаны, сухие грибы, мёртвые кроты; что-то в банках, это реторты, колбы, они соединены, но это не химический прибор, а простой самогонный аппарат, который работает, бурлит, пахнет самогомом; он видит в полумраке спину человека в очень грязном белом халате, вокруг него две голые пьяные бабы, в руках у них кружки с самогомом, они чокаются, пьют, хохочут, дурачатся и бормочут чушь; Гарин понимает, что перед ним Зильберман, и гневно толкает его в спину: “Саша, чёрт возьми, какого хрена ты сюда залез?!”; но тот не оборачивается, а продолжает общаться с пьяными бабами, он тискает их отвислые груди руками в резиновых перчатках, они пьяно хохочут, Гарин теряет терпение и орёт в черноволосый, кудрявый затылок Зильбермана: “Доктор Зильберман, ёб вашу мать!!! Я доктор Гарин!!! Вернитесь к своим обязанностям!!!”; тот не поворачивается и начинает смеяться, смеяться сдержанно, давясь от смеха, трясясь спиной, зато голые, мокрые, сисястые бабы, завидя Гарина, хохочут так,

что Гарину становится невыносимо; ярость охватывает его, он начинает лупить Зильбермана саквояжем по грязной спине, лупит, лупит изо всех сил, но вдруг чувствует, что спина местами поддаётся, проваливается под ударами, хрустит; он хватается Зильбермана за плечо, чтобы повернуть к себе, но тот, продолжая хихикать и трястись, отворачивается; наконец, Гарин вцепляется в него, тянет на себя, поворачивает к себе и видит гниющее, полуразложившееся лицо Зильбермана. Тот гнусно хихикает, от него пахнет землёй, перегноем и человеческим гноем; он стал зомби, в ужасе догадывается Гарин, и вдруг Зильберман рычит и хватается его рукой за бок, сильной и цепкой; Гарин изо всех сил бьёт его кулаком в лицо, оно омерзительно хрустит, брызжа гноем, деформируется; Гарин вырывается, оставляя в руке зомби одежду, кожу, собственную плоть, рвётся из пещеры, но мокрые, голые зомби-крестьяне липкой массой наваливаются, хватают; Гарин отпихивается, кричит от ужаса, проваливается в земляную стену, находит нору, ползёт, ползёт по ней наверх и – о чудо! – вылезает в яркое, солнечное, зимнее пространство; вокруг всё то же село, опустевшее Долгое, Гарин бежит по вязкому, глубокому снегу, в изнеможении выбирается на улицу; надо срочно найти Перхушу, самокат и удирать отсюда к чертям собачьим; он видит самокат и Перхушу, тот что-то спокойно варит на костре; Гарин подбегает к нему, кричит, что надо бежать, Перхуша с обидой качает своей птичьей головой: “Барин, а я вам супчик из синицы сварил...”,

Гарин видит, что Перхуша сварил суп в его немецком барометре, “Что ты делаешь, зачем?!” – начинает гневаться Гарин, но понимает, что надо уносить ноги из проклятого Долгого: “Бросай всё к чертям, поехали!!”, “Да как же, барин, супчик, супчик хороший, синичку рукавицей споймал...”, “Бросай всё к чёрту, дурак, здесь зомби!!”; Гарин бьёт, толкает Перхушу, тот пятится и стремительно бежит к самокату; Гарин бежит за ним, отстаёт, но вдруг прямо впереди из улицы, раздвигая мёрзлую землю страшными когтистыми руками, начинает мощно вылезать толстая простоволосая баба со знакомым, широким, но тронутым тленом лицом; заметив Гарина, она ухмыляется: “А ну, попахтай меня, милай!”; Гарин узнаёт в ней жену маленького мельника, на бегу делает фантастический прыжок, перепрыгивая через зомби-мельничиху, но она успевает больно царапнуть его когтями по ноге; Гарин приземляется, несётся по улице, видит впереди самокат, но Перхуша не сидит в нём, а копошится возле; “Поехали!!!” – вопит Гарин, “Погодите, барин, ещё не завёл...” – бормочет Перхуша и всовывает в передок капора коленчатую стальную рукоятку, которыми шофёры заводили допотопные грузовики; “Что ты делаешь?!” – кричит ему в ухо Гарин, но Перхуша вдруг зло огрызается: “Завожу мотор, вот чего делаю!” – и Гарин понимает, что это вовсе не Перхуша, а какой-то сомнительный, опасный мужик, вор и пьяница, он не может вспомнить, где он встречал его раньше; мужик открывает капор самоката, Гарин заглядывает и видит, что

в капоре нет никаких маленьких лошадок, а стоит здоровенный, громоздкий, грязный допотопный мотор, и на нём отсиснуто 50 л. с. Гарин понимает, что ему придётся ехать с этим опасным мужиком, с этим вором, но делать нечего, надо бежать, а где же Перхуша? и вдруг он понимает, что этот мужик убил Перхушу, продал лошадок и вместо них купил и поставил этот чёртов мотор; он понимает, что бежать придётся вместе с этим бандитом, а что делать? в саквояже был револьвер, нужно достать его, а где саквояж? он остался в подземелье, чёрт, от бандита можно ждать всё что угодно, он убийца, вор, но выбора нет, придётся ехать с ним, и вдруг до Гарина доходит, что вот этот мужик, эта хитрая сволочь убила Перхушу, он просто взял и убил Перхушу, родного доброго человека, спасителя, который, пока Гарин лазил по подземелью, поймал синичку и варил из неё суп для Гарина, чтобы накормить доктора, а эта сволочь подло подкралась и убила его Перхушу, и теперь Перхуши больше нет, какая хитрая и мерзкая сволочь, блядская гадина, мразь, ярость и горе переполняют Гарина, он хватает мужика за голову и начинает колотить его по мотору, по оттиску 50 л. с., он колотит, колотит изо всех сил, разбивая голову этой сволочи до крови, до мозга, но горе от потери Перхуши ещё сильнее, чем ярость, чем кровь и мозг этой сволочи, Гарин бьёт и рыдает, бьёт и рыдает, бьёт и рыдает.

Гарин открыл глаза.

Луч мягкого вечернего солнца падал на кровать сквозь клин в занавесках. Голограмма со слонами в соборе Святого Петра по-прежнему парила над столом, но уже беззвучно. Собор давно уже был полон слонов. Они молились.

Гарин вздохнул и пошевелился. И почувствовал, что щёки его мокры от слёз. Он провёл рукой по щеке.

– Давно ты мне не снился, друг дорогой... – произнёс он.

Сел в кровати. Посидел, приводя в порядок дыхание.

Свесил с кровати свои титановые ступни, пошевелил титановыми пальцами.

– Долгое... – это тебе не Короткое... – произнёс он и рассмеялся так, как смеётся человек после кошмарного и дурацкого сна.

Ужин был в семь, как обычно.

Овальные столы вечером снова были покрыты синей и красной скатертями, но уже другими, чем на ланче, с узорами. На столах стояли букеты цветов. Еду и напитки подавали официанты в белых перчатках. Из алкогольных напитков разрешалось только шампанское.

Когда облачённый во фрачную пару Гарин вошёл в столовую, и медики, и пациенты уже сидели на своих местах и закусывали под музыку Чайковского.

– Добрый вечер! – поприветствовал Гарин всех по-русски.

Ему ответили и медики из-за красного стола, и пациенты из-за синего, тоже уже привычно по-русски.

Вся “великолепная восьмёрка” была здесь, многие нарумянились, подвели глаза и украсили руки браслетами и кольцами. Гарин уселся на своё привычное место между Машей и Штерном, взял в руку бокал с шампанским, поднял его и громко провозгласил:

– Будьте здоровы, дамы и господа!

Ему ответили, кто как мог. Гарин с удовольствием глотнул шампанского, стал класть себе разные закуски. Маша предложила ему салат, он благодарно кивнул.

– Слыхали новость из Шемонаихи? – спросила она.

– Нет.

– Казахи предъявили ультиматум.

– Какой?

– Если до шести утра алтайцы не оставят северный берег Убы и не отойдут с позиций на шестьдесят два километра, казахи оставляют за собой право применить тактическое ядерное оружие.

– Вот как? – Гарин принялся за салат. – Ммм... нет, не слышал... я спал....

– Очередной бред казахский, – закусывал Штерн. – Их угрозы ежедневны уже полгода.

– Но ультиматумов пока не было. – Маша отпила из бокала.

– Стояние на Убе! – рассмеялась Пак. – Можно эпос писать.

– Можно, если бы у алтайцев тоже была ядерная бомба.

– Маша, не делайте культа из ядерного оружия, – возразил Штерн. – Оно существует вовсе не для применения.

– Я надеюсь, но...

– Как Борис и Дональд? – спросил Гарин.

– Стабильны, – ответила Пак. – Пока.

– Дипсомания? – Гарин перевёл взгляд на санитаров.

– Бутылок в номере не найдено, – ответил один из них.

Гарин удовлетворённо кивнул, продолжая закусывать.

– Друзья, у меня есть тост! – раздалось за другим столом.

Сильвио поднял бокал:

– Если кто из вас не заметил, я напому – сегодня ровно месяц, как мы здесь, в “Алтайских кедрах”.

– Я заметила! – улыбнулась ярко накрашенная Ангела.

– И я! – покачался на ягодицах Синдзо.

– Прекрасно! – продолжил Сильвио. – Этот месяц для меня пролетел, словно чайка над морем в солнечный день. Я лишний раз порадовался нашей коллективной мудрости, нашему выбору. У нас было столько возможностей! Европа кишит санаториями, грязелечебницами, горячими источниками. Но мы выбрали именно санаторий в Алтайской Республике. И не ошиблись, друзья, ведь правда?

Все, кроме Бориса и Дональда, одобрительно покачались на ягодицах.

– А кто подсказал нам это место? Мой друг Владимир!

– Это не я, – пробормотал тот.

– Нет, это ты, дорогой! Сначала он подсказал это мне, по-

том я рассказал про это целебное место всем вам. И мы приняли правильное решение. Поэтому я предлагаю тост за Владимира! Будь здоров и бодр, дружище!

Все выпили, кроме Дональда. Он сосредоточенно хлебал своё mixu-wixu.

– А теперь я хочу всем вам спеть!

– Сильвио, но мы ещё не закончили ужин, – развёл руками Эммануэль. – Суфле не может быть холодным!

– Не суфле единым жив человек, дорогой Эммануэль!

Сильвио поставил пустой бокал на стол, скрестил на животе руки в массивных золотых перстнях и запел громким, слегка дребезжащим тенором “Nessun Dorma” из оперы Пуччини “Турандот”.

Пак и Штерн с улыбкой переглянулись. Перестав есть, Гарин стал слушать. Маша бросила на Сильвио презрительный взгляд.

Закончив, Сильвио прижал руки к груди и закачался на ягодицах вперёд-назад-вперёд-назад. Все, даже Дональд и Борис, зааплодировали.

– Bravo, Сильвио! – выкрикнул Гарин, тяжело хлопая своими ладонями.

– Прекрасно, Сильвио! – хлопала Ангела.

– Чудесно! – возбуждённо покачивался на ягодицах Джастин.

Отхлопав, Дональд вытер рот салфеткой, отпихнул от себя чашу с mixu-wixu:

– Спето хорошо. Grazie, Сильвио. Ты настоящий парень, без сомнения. И не ответить тебе – значит не уважать других настоящих парней.

Он угрожающе оперся о стол руками и запел пронзительным, высоким и визгливым голосом:

When I was a little bitty baby
My mama would rock me in the cradle,
In them old cotton fields back home;

It was down in Louisiana,
Just about a mile from Texarkana,
In them old cotton fields back home...¹⁶

Борис закрыл уши руками. Дональд спел ещё несколько куплетов и забарабанил по столу. Ему зааплодировали.

– Ладно, я пожертвую суфле. – Эммануэль поднял руку, прося тишины.

Он запел приятным спокойным баритоном:

À Paris,
Quand un amour fleurit
a fait pendant des semaines,

Deux cœurs qui se sourient
Tout ça parce qu'ils s'aiment

¹⁶ Отрывок из песни “Cotton Fields”, автор Huddie Ledbetter.

Ему долго аплодировали.

Джастин снял с себя подвязанную салфетку и сразу запел не очень сильным, глубоким голосом “My Way”.

– Вот настоящий парень! – закричал Дональд, когда песня завершилась, и яростно замолотил по столу.

Все поддержали Джастина аплодисментами.

Слегка захмелевшая от двух бокалов шампанского Ангела приняла эстафету:

Bei der Kaserne, vor dem großen Thor
Steh'ne Laterne und steht sie noch davor.
Da wollen wir uns wiedersehen
Bei der Laterne woll'n wir stehen,
Wie einst Lili Marleen
Wie einst Lili Marleen...¹⁸

Голоса у неё не было совсем, но ей долго аплодировали.

Сильвио толкнул в бок соседа:

– Владимир! Твоя очередь!

– Это не я.

– Владимир, спойте!

– Русские песни такие красивые!

– Это не я.

¹⁷ Отрывок из песни “À Paris”, автор Francis Lemarque.

¹⁸ Отрывок из песни “Lili Marleen”, авторы Norbert Schultze, Hans Leip.

– Спойте нам, Владимир, мы просим! – пророкотал на всю столовую Гарин и зааплодировал.

Владимир покачнулся на ягодицах, вытер рот салфеткой, задумался ненадолго и запел несильным голосом:

Это это не я, это это не я.

Это не я. Это не я.

Это это не я. Это это не я.

Это не я. Это не я.

Это это это это это не я.

Это это это это это не я.

Это не я.

Это не я.

Это не я, не я. Это не я, не я.

Это это не я. Это это не я.

Это не я, не я. Это не я, не я.

Это это не я. Это это не я.

Когда он закончил, все некоторое время сидели неподвижно. Затем Гарин зааплодировал. Его поддержали, но не все. Некоторые продолжали сидеть, словно в оцепенении.

– Грустная песня, Владимир, – вздохнул Сильвио, пихнул исполнителя в бок и зааплодировал.

– Это не я, – пробормотал тот.

– Русские песни всегда доводят меня до слёз... – всхлипнула Ангела и громко высморкалась в салфетку.

– Потому что у них трудная жизнь, – объяснил Дональд. – Но там было много классных парней!

– А какие женщины! – присвистнул Сильвио, закатывая глаза.

Сидзо вдруг высоко и красиво запел по-японски.

Грустная японская песня снова погрузила всех в оцепенение. Раздались редкие аплодисменты.

– Мы что, на кладбище? – недовольно фыркнул Борис, похлопал своими огромными рыжими ресницами, схватил большую чашу с салатом, вывалил салат на стол, схватил ложку и запел, стуча ложкой по дну чаши:

I don't want to drink my whisky like you do
I don't need to spend my money but still do
Don't stop now a c'mon
Another drop now c'mon
I wanna lot now so c'mon
That's right, that's right
I said Mama but we're all crazy now!¹⁹

Дональд и Джастин тут же подхватили припев, к ним присоединился Сильвио, потом Ангела, Эммануэль, Синдзо, и даже Владимир закачался на месте и затянул своё: “Это не я-я-я!”

– Ма-а-а-а-ма we're a-a-a-a-a-ll cra-a-a-azy now!! – пел си-

¹⁹ Отрывок из песни “Mama Weer All Crazee Now” британской рок-группы *Slade*.

ний стол.

За красным хлопали в такт песне. Когда пациенты закончили петь, врачи захлопали, медсёстры одобрительно закричали, санитары засвистели. Гарин знаком попросил официантов наполнить бокалы и встал.

– Дамы и господа! – заговорил он, тряхнув бородой. – Дорогой Сильвио вспомнил, что мы уже месяц как вместе. Это прекрасно! И ещё прекрасней, что мы вместе здесь, в “Алтайских кедрах”. Вовсе не случайно выбрали вы наш санаторий. Не хочу выглядеть легкомысленным хвастуном, но тем не менее скажу со всей откровенностью врача-профессионала: этому месту нет подобия в матушке-Европе. Уникальное сочетание радоновых источников, целебных грязей и наших алтайских кедров не имеет аналогов. Да, дорогие мои! Начнём с воздуха, которым вы дышите. Горы плюс эфирные масла кедров делают его в высшей степени целебным. Вы спите на кроватях, матрацы которых набиты опилками кедров, подушки – их стружками и сушёными горными травами, а одеяла, коими вы изволите покрывать свои тела, связаны из шерсти алтайских горных козлов! Кедровые орешки, о целебности которых написал ещё великий Авиценна, богаты витаминами Е, В и К, железом, цинком, магнием, марганцем, фосфором, аминокислотами. Вы пьёте чистейшую воду алтайских горных источников, вам заваривают чай из целебных горных трав и подают к чаю алтайский мёд, собранный трудолюбивыми пчёлами здесь на горных лугах. Вы ча-

сто слышали от меня фразу: иловая грязь – великая сила. Это не пустые слова! Наше грязелечение ставит на ноги пациентов с десятками разнообразнейших болезней – от тяжелейших артритов до параноидной шизофрении. Радоновые, азотно-кремнистые, пихтовые ванны в сочетании с бальзамным обтиранием, сегментарным массажем и анальной терапией нанесут сокрушительный удар по вашим недугам! А мы, врачи, поможем вам окончательно забыть обо всех ваших страхах и опасениях. Признаюсь вам, дорогие мои, откровенно: я против медикаментов. Пока вы принимаете их вынужденно, то давайте делать всё от нас зависящее, чтобы вы навсегда о них забыли! Первый оздоровительный месяц позади, впереди ещё два. Пройдёмте же достойно это временное поприще вместе, чтобы нам всем было о чём вспомнить через многие годы! Я желаю всем присутствующим здоровья душевного и телесного!

Он поднял бокал. Все заплодировали, стали чокаются и пить. Пение и шампанское возбуждали аппетит, официанты подали горячее, и все набросились на еду.

Пациенты ели по-разному. Их огромные рты, раз в пять больше человеческих, расправлялись с едой впечатляюще бесцеремонно. Врачи уже привыкли, но санитары и особенно официанты постоянно косились на синий стол.

Дональд не сделал исключения для горячего, смешав в своей чаше тушёную рыбу, жареных куропаток, варёных креветок и запечённую оленину и отправляя это в рот боль-

шим половником. Борис ел шумно, нервно, выплёвывая некоторые куски на отдельную тарелку, а потом возвращаясь к ним. Сильвио со свистом втягивал приглянувшееся гудами, как он привык обходиться со спагетти. Ангела широко раскрывала напomaженный рот, вываливала вперёд мясистый язык, клала на него куски и неспешно проглатывала с утробным звуком. Джастин захватывал еду зубами, быстро и сильно, дёргаясь всем круглым телом. Эммануэль набивал рот до предела и долго разжёвывал пищу. Владимир ел так быстро и жадно, словно это был последний обед в его жизни. Синдзо принимал пищу как лекарство – медленно и с достоинством, закрывая чёрные влажные глаза после каждого глотка.

Гарин ел, как всегда, решительно и с аппетитом.

– Насчёт параноидной шизофрении, доктор... – негромко пробормотала Маша. – Я не совсем уверена, что грязи от этого помогают.

– А Восков? – Гарин жевал так, что двигалась вся его величественная борода.

– Ну... в комплексе разве что. А он здоров? Его же пришлось раньше выписать.

– Пишет, что здоров.

– Недотыкомки?

– Не видит. И не скандалит.

– Слава богу... – Красивые губы Маши презрительно изогнулись.

Опустошив свою чашу, Дональд отшвырнул половник, протяжно рыгнул и полез на стол.

– И как всегда, перед десертом, – скорбно покачал дынеобразной головой Штерн.

Гарин сделал знак официанту, и тот тут же включил два мощных вентилятора, стоящих между столами.

– В отличие от вас он не делает из десерта культа, – усмехнулась Пак.

– Ladies and gentlemen, the art of farting! – объявил Дональд. – And please don't forget: not every fart is art!²⁰

Он выставил свой молочно-белый, массивный зад ещё сильнее, наклоняясь лицом к столу, и оглушительно выпустил газы.

– Дональд, но почему ты опять лезешь первым? – развёл руками Эммануэль.

– Первой должна быть Ангела, дружище! – выкрикнул Сильвио.

– Я не мог терпеть, чёрт побери! – Дональд полез со стола на своё место.

– Опять спешка, опять... – качал головой Синдзо.

– Ангела, просим вас, – обратился к ней Эммануэль.

– Извините, я ем, – ответила она. – Мужчинам не привыкать лезть в первый ряд.

– Дональд, извинись! – выкрикнул Борис. – Не будь ско-

²⁰ Дамы и господа, искусство пердения! И пожалуйста, не забывайте: не каждый бздёх – искусство! (англ.)

тиной!

– Я прошу прощения. – Дональд похлопал себя по животу. – Поймите, есть обстоятельства, которые сильнее нас. Не надо делать из мухи слона. Лучше хороший залп, чем холостой выстрел, парни!

– Ладно, чёрт с тобой... – Сильвио отшвырнул приборы, полез на середину стола.

Оказавшись в центре на скатерти с синими узорами между двумя букетами с алтайскими тюльпанами и нарциссами, он оперся руками о стол, приподнимая загорелый, хоть и обвислый, зад, и выпустил четыре сочных хлопка.

– Браво, Сильвио! – захлопал Эммануэль.

Не успел довольный Сильвио вернуться на свой стул, как Джастин полез на стол. Его залп был не слабее, чем у Дональда, но более протяжный и разнообразный по звуковой палитре.

– Ангела! – выкрикнул Борис.

– Нет, нет, мужчины, наслаждайтесь своим мачизмом.

– Не будь злокой! – Борис хватил кулаком по столу, опрокидывая бокал с шампанским. – Покажи нам мощь валькирии!

– Ангела, я выстрелю только после вас! – Эммануэль прижал к груди руки в широких серебряных браслетах.

– Ангела, просим! – зааплодировал Сильвио.

– Нет, я не готова... – жевала Ангела.

– Просим! Просим! – захлопали за синим столом.

– Ну, право... – Она вздохнула, отодвигая тарелку.

– Я помогу! – подхватил её под руку Эммануэль.

– И я! – Сильвио подхватил под другую.

Ангелу подсадили на стол. На своих немолодых ягодиках она проползла на середину, слегка склонилась, словно приветствуя всех, замерла. И выпустила газы столь мощно и оглушительно, что звякнули чайные ложки в пустых кофейных чашечках на комоде и в широком полукруглом плафоне люстры ожило краткое настойчивое эхо. Две медсестры вздрогнули и перекрестилась. Старшая медсестра испуганно покосилась на люстру:

– Не могу привыкнуть...

– Пора бы, – ухмыльнулась Маша, жуя.

– Großartig²¹... – с искренним восхищением покачал головой Гарин.

Синий стол яростно зааплодировал. Ангела поклонилась. Маша помахала возле себя и Гарина салфеткой:

– Dicke Bertha²².

– Genau! – согласился Гарин.

– После такой канонады я просто... стесняюсь лезть на стол! – аплодировал Эммануэль.

– Давай, давай, – толкнула его в бок Ангела. – Вспомни Верден!

– Разве что... – Он осторожно полез.

²¹ Колоссально (нем.).

²² Большая Берта (нем.).

Залп Эммануэля разочаровал. Ему захлопали, но весьма формально.

– Excusez-moi... – пополз он обратно к своему стулу.

– Другого я и не ожидал, – презрительно глянул на Эммануэля Борис и решительно полез к центру, давя тарелку с сёмгой, опрокидывая вазу.

Остановившись, он как-то сгорбился и замер, прикрыв свои огромные рыжие ресницы. Все ждали. Борис не двигался. В столовой наступила тишина, которую нарушали только вентиляторы. Прошла минута, другая.

– Ну и? – недовольно оттопырил губы Дональд.

Борис выпустил негромкую, но долгую и прерывистую очередь.

– Слабовато... – улыбнулся Сильвио, подмигивая Ангеле и Владимиру.

Все заплодировали.

Настала очередь Синдзо. Он долго готовился, нюхая цветы, совершая круговые движения руками, покачиваясь и напевая что-то. Но залп его не удивил сидящих за столами.

– Владимир! – Сильвио хлопнул соседа по спине. – Докажи нам, что русский дух – не миф!

Владимир молча полез в центр стола. Приподнял свой накачанный, холёный, много раз омолощённый китайскими медиками зад и замер. Сперва раздалось что-то вроде утробного ворчания, которое быстро перешло в угрожающее рычание, разрешившееся громким хлопком, ещё одним, ещё, и

вдруг из этого холёного зада стало проистекать шипение, в котором можно было разобрать отдельные звуки, напоминающие в том числе и человеческий шёпот, но шипение становилось всё более и более зловещим и всё длилось, длилось и не иссякало так долго, что все за синим столом оцепенели. Когда оно стихло, некоторое время стояла напряжённая тишина. Первым захлопал Сильвио, затем – Ангела и Дональд. Аплодисменты наполнили столовую.

– Брависсимо, Владимир! – выкрикнул Сильвио.

– Это не я... – С улыбкой тот показательно пробежался на ягодицах по скатерти и запрыгнул на свой стул.

– Итоги! Итоги! – завопил Борис.

Приготовленный заранее официантами серебристый смартфон показал рейтинг. Первое место в соревновании *The Art of Farting* разделили Ангела и Владимир.

– Молодцы! Ещё шампанского всем! – закричал Сильвио.

Гарин встал, поклонился медикам:

– Всем хорошего вечера и покойной ночи.

– Платон Ильич, а десерт? – спросила Пак.

– Воздержусь! – потрянул бородой Гарин и подошёл к своему столу.

– Дорогие мои! – обратился он к пациентам. – Я вижу, вы в отличном настроении, у вас прекрасный аппетит и чувство юмора, что неумолимо свидетельствует о вашем улучшающемся здоровье. Продолжайте в том же духе! Вас ждёт десерт и традиционный вечер танцев. Однако не удержусь

от пожеланий. Дональд и Джастин, не увлекайтесь шампанским. Сильвио, не забывайте про ваш рефлюкс. Ангела и Синдзо, не налегайте на мучное. Борис, будьте великодушны. Эммануэль, не хандрите. Владимир, не переедайте. И всё у вас будет хорошо! До завтра!

Он поклонился. Ему заплодировали, Дональд с Борисом засвистели.

Напевая вполголоса “Снился мне сад”, Платон Ильич шёл по коридору к лестнице, ведущей на второй этаж. Выйдя к главному вестибюлю с пальмами, аквариумом и бесшумно курсирующим роботом-охранником Фёдором, Гарин увидел невысокого человека в плаще, с рюкзаком и таксой. Он направлялся к выходу. Заметив главврача, человек остановился и приподнял шляпу, обнажая лысую голову.

– А, люди, птицы, львы и мокрицы! – вспомнил Гарин. – Каковы успехи?

– Двести шестьдесят три мокрицы найдены и уничтожены мною на кухне, в кладовой и в душевых помещениях, – доложил Кузьма Иванович Кузьмичёв. – Тараканов не обнаружено.

– Поздравляю! Вам заплатили?

– Да, весьма благодарен, – довольно закивал тот. – Вы позволите навестись в ваше учреждение через месяц?

– Наведывайтесь.

– Благодарю вас!

Гарин поднялся по лестнице, вошёл в свой номер, разделся догола, принял быстрый душ, облачился в розовый махровый халат, взял из вазы яблоко, сразу мощно выкусил половину, зажевал и лёг в постель со смартфоном. Открыл текст романа Воскова:

Тёмно-синие глаза Джонни остановились. Он оцепенел, оцепенел. И словно увидел Лялю впервые, как будто это вообще и не девушка, а странный в своей невоплощённой загадочности обитатель иных миров, о которых он раньше ничего, ничего не знал, а лишь смутно и беспокойно догадывался.

– Так. Надо, – произнесла она словно первые в своей жизни слова.

И поцеловала его в оторопело открытые, влажные и нагло-безвольные губы.

– Ты... – горячо и глубоко произнесли эти губы в её рот. Он обнял, обнял её запоздало. Но она уже брала всё в свои красивые и сильные руки: несколько сильно-нежных движений тонких пальцев, и вот уже Джонни без своей белой, влажной, пропахшей табаком рубашки. Её ладони легли на его плечи, словно листья редкого, редкого, прячущегося от человеческого глаза тропического растения. Отстранившись, отстранившись от раскрытых губ Джонни, она припала своими губами к его шее, такой горячей и сильной в своей грубой мужской незащищённости. Он сжал её, словно хрусткую фарфоровую куклу приюта.

— Я знала... — шепнула она в его шею и рассмеялась, совсем как девочка, зарывшая в садовую землю свой секретик с жужком, фольгой, бусинкой, стёклышком, ложкой и записочкой.

Он впился, впился губами в её голое плечо в прорехе.

— Грезил тебя... думала тебя... мечтала тебя... — шептали её губы в его влажные и огненные в своей заворожённости волосы.

Его пальцы рвали пуговицы блузки, и те сыпались, сыпались вниз, словно опустошённый жемчуг странствий. Рваная блузка удивительно упала на рваную юбку. Его губы стали кромсать, кромсать её шею, которая гнулась и качалась, словно грустный стебель неповторимой в своей единственности речной лилии.

Он беспощадно разорвал, разорвал её чёрный лифчик. И выплеснул на волю груди, прелестные в своём беспомощном сиротстве. Его лицо горячо и обречённо прижалось к её груди.

— Не знал тебя! — проговорил он в её грудь так сильно, что её рёбра органно загудели.

— А я знала, — ответила она в золотой лес его волос.

Он разорвал её разорванную юбку. Освободились прелестные бёдра молочно-шоколадного одесского загара, требующие лишь одного, одного: влажного, горячего прикосновения. И он припал, припал губами, губами, мокрыми от её сладко-солёной слюны.

— Ты представить не можешь, как я хотела этого... —

прошептала она в его ухо так, словно это был заброшенный колодец молчаливых дервишей пустыни.

Чёрное кружево французских трусиков, купленных ею вместе с лифчиком на последние деньги в шикарном магазине Paris-Odessa, затрепало под его жестокими пальцами. Он порвал кружевной занавес, даруя свободу прелестному и древнему существу, истекающему жаждой жидких желаний.

– Возьми меня навсегда! – выдохнула она, струясь и обречённо.

И он завалил её на залитый шампанским ковёр, словно сладко заарканенную и горько подраненную амазонку, оставившую в терновнике прошлого не только сломанный лук и потерянные стрелы, но и холодную радость отказа. Ремень его джинсов загремел, зазвенел, запел, замлел, зардел. И теперь уже его древний зверь, хозяин обличий и нарушитель приличий, вырвался, вырвался на свободу и сразу же ворвался, ворвался туда, в тёмную сладость, туда, куда вела судьба.

– Да! – вскрикнула она учреждённо.

– Гарин, неужели вы не спите? – раздалось неподалёку.

Он оторвал глаза от светящегося текста и в полумраке комнаты различил Машино лицо. Он закрыл текст, стал приподниматься:

– Маша!

– Лежите, лежите. – Она подошла со своей презрительной улыбкой.

В руке она держала бутылку красного вина.

– Вы всегда входите так удивительно бесшумно!

– Пора привыкнуть, – рассмеялась она. – В последний раз у вас, кажется, не нашлось штопора.

– В столе. Погодите, я открою... – Он свесил с кровати титановые ноги.

– Нет! Нет! – Она угрожающе занесла бутылку. – Сегодня я правлю бал!

– Ну послушайте...

– Без “ну”, пожалуйста.

Она выдвинула ящик стола, достала штопор и умело откупорила бутылку.

– Саперави.

Взяла из бара бокалы, наполнила, подошла, села рядом с Гариным.

– Доктор, как хорошо, что вы не спите.

Он принял бокал. Глаза их встретились. Бокалы чокнулись.

Гарин с удовольствием отпил вина:

– Превосходное... люблю грузинские вина...

Маша в упор разглядывала его лицо.

– Не пей, красавец мой, при мне ты вина Грузии печальной! – пропела она.

– Ужин завершился спокойно?

– Аспонтанно! – рассмеялась она. – Обожаю смотреть на танцы экс-государственных жопп.

– Вы жестоки. – Он взял её свободную руку.

– Нет, я просто чрезмерно наблюдательна.

– Называйте их официально: рб. Или неофициально – *бути*²³.

– Хорошо, бути. Танцевали как на свадьбе.

– Кто сегодня выбирал музыку для танцев?

– Синдзо.

– И что выбрал?

– Никогда не угадаете. Чайковского!

– Вполне понятно. Прекрасная музыка для...

– Переваривания? – Глотнув вина, она поставила бокал на прикроватную тумбочку и сняла пенсне с большого носа Гарина.

Нос стал ещё больше. Гарин залпом осушил бокал, поставил его и обнял Машу. Её тонкая чёрная фигура словно провалилась в розовый сугроб.

– Я... вас ждал... – проговорил он.

– И я вас ждала, – ответила Маша со своей едкой интонацией.

Их губы встретились, Гарин обхватил маленькую, гладкую голову Маши своей огромной ручищей. Она застонала. И стала с него сбрасывать его розовый махровый сугроб. Его вторая рука угрожающе зашарила по её спине чёрного шёл-

²³ *Booty* – попочка, жоппка (амер. англ.).

ка, ища молнию, но Маша остановила её, придержав на весу. Целующийся Гарин замер с нависшей над Машей дланью. Она со стоном оторвалась от его губ:

– Я сама. А то порвёте всё, как в прошлый раз.

Встала – тонкая и чёрная. Скрипнула молния. Помогая телом, Маша мгновенно стянула с себя платье, отшвырнула. И в бордовых чулках, бордовом белье медленно и красиво села на колени к Гарину, оплела руками:

– Доктор, вы меня примете? У меня, знаете ли, довольно простой случай...

Гарин взял с тумбочки папиросу с зажигалкой, закурил. Машина голова лежала у него на левом плече.

– Простой раз вы обещали рассказать мне о вашем преобращении, – произнесла она, разглаживая его покоящуюся на груди бороду.

– О каком?

– Ну, когда вы... – Она потёрла своей узкой ступнёй холодную титановую ногу.

– Ах, это. – Он выпустил дым. – Десять лет тому я, уездный доктор, зимой вёз в село Долгое вакцину против боливийской чернухи. Ехали с одним ямщиком на его самокате в пятьдесят лошадок, попали в жуткую метель, сбились с пути, заночевали в поле. Он замёрз, а я выжил. Но уже без ног. Вот и всё преобращение.

– Но вы рассказывали, что та ночь многое изменила в вашей душе.

– В душе? Так и сказал? Вероятно, выпил лишнего. Вы меня неизменно спаиваете, Маша.

– То есть преобразования не было?

– Было, но...

– Вспоминать не хочется?

– Сейчас, во всяком случае...

– Ясно.

– Вспоминать – не гнилым овсом торговать...

– Не будем.

Она вынула из его мясистых, вечно недовольных губ папиросу, затянулась, вернула папиросу на место.

– Да, забыла: Ангелу опять затрясло, прямо во время танца.

– С кем она танцевала?

– С Дональдом. Но всё обошлось, он оказался джентльменом.

– Он и есть джентльмен, – серьёзно почесал бороду Гарин. – При всей его девиантности.

Помолчали.

– Гарин, – произнесла Маша.

– Да?

– Мне... очень хорошо с вами.

– Правда?

В ответ она трижды клюнула носом его плечо. Дотянувшись, взяла с тумбочки бокал:

– Допьём?

Он не ответил. Она села, отпила, вытащила из его губ папиросу, прижалась своими, вливая в него терпкое вино. Он закашлялся, заворочался, сел.

– Простите. – Она приникла к нему.

– Это вы меня... простите... – Он тяжело вздохнул, обнял её. – Вы эдельвейс, а я... мамонт.

– И это замечательно! – Она прижалась к нему всем телом. – Оставайтесь мамонтом, умоляю вас.

Он склонился над ней, борода и нос угрожающе нависли в полумраке. Мгновенье он смотрел на неё, затем неловко и грубо сгрёб в объятьях, стал наваливаться.

– Мамонт, лучше на боку, – подсказала она.

Солнце встало над Алтаем, заливая лучами всё вокруг – кедровый бор, синевато-серые, с белыми вершинами горы, предгорные луга с уже ожившей травой, ещё прозрачные лиственные и густые хвойные леса, крыши посёлков. На неярком голубом небе виднелись лишь едва различимые перистые облака, подчёркивающие высоту и величие этого чистого неба, да бледнеющий с каждой минутой серп молодого месяца. Вдруг на западе вспыхнуло другое солнце – яростно-белое, маленькое, с булавочную головку, но гораздо ярче и сильнее привычного солнца. Белый беспощадный свет мгновенно накрыл утренний пейзаж, стирая привычные жёлтые лучи, падающие с востока, словно кто-то огромный и невидимый решил сфотографировать весь этот красивый

весенний мир своим чудовищным фотоаппаратом. На мгновение ни у гор, ни у кедров, ни у домов не стало тени. Вокруг белой вспышки за клубился оранжевый жар. И снизу, от утренней земли, к ней потянулся зловещий чёрный дымный хобот. Белый свет сменился жёлтым и оранжевым. А на просыпающийся мир обрушилась волна яростно сжатого, жестокого воздуха, колебля горные вершины, круша вековые ели и кедры, срывая крыши с домов, калеча или убивая всё живое.

Гарин и Маша проснулись от страшного грохота и сотрясения. И что-то сильно и неприятно толкнуло Гарина в сердце.

– Чёрт... – пробормотал он.

Разлепив глаза, он нащупал пенсне на тумбочке, надел на нос.

Рамы и стекла двух окон были выбиты. Рваные шторы трепетали. Голая Маша вскочила с кровати, подбежала к окну, увидела. Прижала руки ко рту.

– Что?! – Гарин сел в кровати, морщась и прижимая руку к левой груди.

– Гарин... это ядерная бомба, – простонала Маша. – Блядство! Сволочи! Ёбанные сволочи!!

– Бомба? – Морщась, он потёр грудь.

Слез с кровати, сделал шаг. Пошатнулся. Сердце трепетало. Выдохнул, вдохнул глубоко, подошёл к Маше. За разбитым, вывороченным окном раскинулся всё тот же ланд-

шафт с кедровым бором, но что-то в нём было не так, злое-
ще не так. Гул и треск наполняли воздух. И бор редел на гла-
зах: это рушились кедры, поражённые ударной волной. Де-
сятки падали, увлекая за собой другие; выжившие отчаянно
качались. Вспугнутые дрозды метались в воздухе. По масси-
ву бора расходились малые и большие круги повала, мелька-
ли медно-золотистые стволы, взмахивали обречённые ветки,
и рушились, рушились, рушились деревья.

– Господи... – Маша прижала руки ко рту.

Он обнял её, забормотал:

– Ничего, ничего... проходили однажды...

Маша дрожала. Мгновенье они стояли голыми у окна.

– Погодите... надо же это... – Держась за грудь, Гарин за-
вертел головой.

– Господи... я же это предчувствовала... – злобно просто-
нала Маша.

– Респираторы! Радиация!

– Всё в левом крыле.

– Сделать! Сейчас! – Он кинулся в ванную, привычно на-
жал на выключатель, но свет не зажёгся. Гарин схватил два
небольших полотенца, открыл кран. Вода не потекла.

– Чёрт... воды нет... – Он вернулся в спальню и только
сейчас заметил большую, извилистую трещину на потолке.

– Воды, воды! – вскричал он. – Надо смочить маски!

Маша, сбросив оцепенение, кинулась к мини-бару, откры-
ла. Но всю воду они выпили ночью.

– О, чёрт! – Гарин сбил полотенцем пустую бутылку с минибара.

– Подождите... я сделаю... – Маша схватила чашку, развела худые ноги, полуприсела, подставляя чашку.

Гарин замер, угрюмо глядя. Маша помочилась в чашку, выхватила у него из рук оба полотенца, расстелила на диване, полила мочой. Повязала одно полотенце вокруг лица Гарина, одно – себе. Кинула ему его одежду:

– Одевайтесь!

– Надо собрать всех! – прогудел он сквозь пожелтевшее полотенце, схватил длинные серые трусы, тяжело заплясал на титановых ногах, надевая.

Маша схватила своё узкое вечернее платье, но, чертыхнувшись, отшвырнула:

– Я к себе!

Выбежала. Гарин распахнул платяной шкаф, в дверцы которого впились три осколка оконного стекла. Схватил было белый халат, но отбросил со стоном, вытянул обычные брюки, свитер, куртку.

Одевшись, выбежал в коридор. И чуть не столкнулся со Штерном. Тот был в своём жёлто-чёрном костюме для джогинга и белых кроссовках.

– Вы не видели моего Эхнатона? – спросил он у Гарина, привычно-мучительно вытягивая нижнюю губу.

– Где все? – загудел Гарин.

– Он испугался, убежал.

– Надо собрать всех! Немедленно! И определить направление ветра!

Штерн побежал по коридору. Гарин поспешил к левому крылу, но вдруг сзади послышался крик. Он обернулся. По коридору, непрерывно крича, бежал на ягодицах Джастин. Гарин остановился. Джастин нёсся на него. Гарин присел, разведя руки, поймал его. Тот забился, крича.

– Спокойно, спокойно, calm down!

Гарин прижал его к груди, поднял. Повернулся и пошёл в сторону палат пациентов. Одетая Маша выбежала из своего номера:

– Сети нет!

– Я забыл свой в номере, – прогудел Гарин. – Возьмёте?

Она забежала в его номер. Вдруг раздался грохот со стороны левого крыла. Гарин обернулся. В конце коридора, куда он только что направлялся, за клубилась пыль. Он поспешил дальше. Джастин перестал кричать и просто дрожал, подвывая в грудь Гарину.

– Доктор! – раздалось сзади.

Пак и старшая медсестра побежали к нему от лестницы. Пак была в респираторе, медсестра одевалась на ходу.

– Пришла беда – запирай ворота! – проревел Гарин. – Целы?

– Что же это? – всхлипнула медсестра.

– Бомба!

– Бомба, бомба... – закивала и заплакала она.

– Где все? – гудел Гарин, похлопывая по спине воющего Джастина.

– Третья в моей жизни! – громче обычного заговорила Пак. – Я видела Штерна. Он ищет кота!

Подбежала Маша со смартиком доктора:

– В вашем тоже нет сети.

– Электромагнитный импульс, – объяснила Пак. – С сердцем у всех в порядке? Всегда бьёт по сердцу сразу. А сейчас почему-то не ударило!

Она нервно рассмеялась под респиратором.

– Пойдёмте! – скомандовал Гарин и двинулся по коридору.

Женщины поспешили за ним.

Возле палат класса люкс стояли Ангела и Владимир. Ангела тряслась, а Владимир повторял своё “это не я”. С Джастином на руках Гарин подошёл к ним, взял Владимира за руку.

– Это не я, это не я... – повторял тот, испуганно озираясь.

– Я знаю. Успокойтесь, – прогудел Гарин. – Маша! Всем нужны маски!

– Моей мочи уже не хватит! – зло ответила та. – Респираторы, маски – в левом крыле.

– Левое крыло рухнуло! – раздалось в коридоре.

К ним подбежал Штерн с котом породы сфинкс на руках. Из своей палаты выполз Эммануэль. Непонимающе посмотрел на всех, развёл руками и забормотал по-французски.

Пока Гарин стоял с тремя бути, успокаивая их, медики осмотрели палаты других. Не обошлось без потерь: Синдзо умер во сне от остановки своего искусственного сердца, Борис был убит любимой картиной – сорвавшись со стены, она разможила ему голову массивной позолоченной рамой. С трудом удалось разбудить Дональда, спавшего в обнимку с ополовиненной литровой бутылкой бурбона. Всем пациентам были сделаны маски из наволочек, смоченные тем, что нашлось в мини-барах, – водой, соком или кока-колой.

Сети не было ни у кого. По флюгеру определили направление ветра – западный. Краткий консилиум решил однозначно – бежать на север, в Барнаул, и как можно скорее. Медиков оказалось всего пятеро: Гарин, Пак, Штерн, Маша и старшая медсестра Ольга. Остальные, а также массажистки, повара, банщик, официанты, садовник, уборщицы доставлялись в санаторий ежедневно автобусом по утрам. В это роковое утро автобус с персоналом, естественно, не пришёл.

Сборы проходили в страшной спешке. В гараже санатория рядом с двумя электрокарами стояли две машины – крошечная двухместная “пчёлка” Пак и старый джип-тойота Штерна. Гарин машин не водил и не имел. Автобуса, который очень пригодился бы сейчас, не было. Электрокары были предназначены исключительно для перемещения по территории санатория, в две машины пять человек и шестеро бути с мешками продуктов, дорожными сумками и старомодным, огромным чемоданом Гарина никак не помещались. К тому

же медики быстро пришли к выводу, что на дорогах теперь, когда началась война, будет опасно: возможен казахский десант, военные действия, авианалёты, артобстрелы, разбой, произвол военных и партизанщина. Недолго поразмыслив, Гарин предложил оптимальное – идти до Барнаула на маяковских по бездорожью. План его был единогласно одобрен.

Через минуту все стояли в подвале возле шести двухметровых пластиковых саркофагов. На их цифровых панелях были набраны коды пробуждения, крышки саркофагов стали медленно открываться. В каждом лежал на спине с поджатыми к груди ногами голый биоробот телесного цвета. Могучие руки обхватывали мускулистые ноги, красивое, гладкое лицо с закрытыми глазами улыбалось, голый череп по цвету не отличался от лица и тела. В биороботах заработала программа “пробуждение”, голубые глаза их открылись, мускулистые руки разжались, ноги распрямились, и шестеро трёхметровых гигантов с одинаковыми синхронными движениями покинули саркофаги и встали возле них.

Этих биороботов, произведённых в Уральской Республике, по случаю и недорого купил хозяин санатория, барнаульский бизнесмен Ван Хонг. Изготовленные по швейцарско-китайской технологии, биороботы SOS-3 предназначались исключительно для спасательных работ в горах. Но относительно недорогое производство вскорости сделало SOS-3 популярными у сельского населения УР. Их стали активно покупать и использовать не только для переноски тя-

жестей, но и в качестве транспорта. В своих заплечных корзинах они носили детей в школу, а взрослых – по их деловым и бытовым надобностям. Одинаковые, всегда улыбающиеся лица с большим мясистым носом, мужественным ртом и голым черепом делали их похожими на советского поэта Маяковского. В народе их быстро прозвали маяковскими. Впрочем, некоторые звали их терпилами. Запасливый Ван Хонг купил этих шестерых дешёвых маяковских просто так, на всякий случай. В санатории их использовали для переноски тяжёлых вещей, земляных работ в саду, а чаще всего – для пикников в горах с пациентами.

Перед улыбающимися голыми гигантами была поставлена задача. Они надели свои просторные заплечные корзины, куда поместилось всё: люди, бути, поклажа и кот Эхнатон. Тела погибших Бориса и Синдзо взяли с собой, чтобы похоронить по дороге. Гарин и Маша сели в корзину вместе. Пак оказалась в компании Ангелы и Ольги. Штерн – с Эммануэлем и Джастином. Дональд восседал на своём маяковском один с кучей провианта. Владимир и Сильвио выбрали свою корзину. Шестой маяковский нёс мёртвых и поклажу.

– Вперёд! Направление – север! – скомандовал Гарин своему маяковскому, и тот двинулся к воротам санатория.

Пять маяковских последовали за ним. Когда вышли за ворота, Гарин обернулся, бросив прощальный взгляд на санаторий, в который судьба занесла его на три с лишним года. С рухнувшим левым крылом, выбитыми стеклами и выворо-

ченными рамами он являл собой жалкое зрелище. В парке лежал упавший красавец-каштан. У старой пихты сломало макушку. Решётчатая беседка завалилась набок.

Маша тоже обернулась.

– Сон... – произнесла она, презрительно усмехнувшись под своей маской.

– Как слон, – прогудел Гарин, удручённо вздохнул и отвернулся от санатория.

Часть вторая

На север

Что может преградить дорогу путнику, идущему по каменистому и лесистому бездорожью в предгорьях Алтая? Только быстрая горная река. Именно это и произошло на вторые сутки похода в сторону Барнаула. Неширокая, но сильная и бурная, вытекающая из ледника Геблера, река Катунь показала своё упругое, грязно-молочное тело в просветах лесного массива. Едущий на головном маяковском Гарин посмотрел на свой хоть в чём-то полезный FF40: ровно два часа пополудни. Погода стояла сухая, безветренная, солнце припекало не по-весеннему. Гарин покрывал свой голый череп и шею нательной майкой. Сидящая рядом с ним в корзине Маша вырезала себе из кармана куртки что-то вроде тибетской шапки. Среди медиков только запасливая Пак успела бросить в сумку свою серебристую японскую шляпку, что теперь вызывало зависть коллег. Штерн налепил на голову намоченный носовой платок с узелками на концах, Ольга утром сплела венок из медуницы и подснежников и теперь несла его на голове подобно короне.

Первый день похода прошёл сумбурно: выбирали дорогу, ориентировали безмолвно-покорных маяковских, торопились уйти от радиации, заботились о бути. Заночевали в

распаде у родника между двумя небольшими хребтами, разведя костёр и согрев на прутьях то, что успели захватить на кухне. Естественно, пищи оказалось мало, почти вся она досталась бути, компенсировавших едой последствия шока. Наевшись поджаренного хлеба с малиновым сиропом и консервированной ветчины, бути, спокойно переносящие жару и холод, заснули на каменных ложах. Медики спали в корзинах, укрывшись чем придётся. Как и ожидалось, ночь была холодной, и все продрогли. Гарин и Маша спали, обнявшись. Ночью была слышна далёкая канонада и небо на юго-западе озарялось вспышками.

Зато ночью переменился ветер, и утром маски не понадобились. Позавтракав сухими хлебцами и родниковой водой с сиропом, выбрали место для погребения Бориса и Синдзо. С трудом выкопав две неглубокие могилы, уложили туда тела погибших. Гарин приказал маяковским положить сверху два больших камня. Пак произнесла недолгую речь по-английски, Ангела прочитала совсем короткую отходную на латыни, каждый из медиков достал свое оружие: Гарин – старый тупоносый “бульдог”, Маша – большой, вороно-чёрный глок, Пак – серебристый “питон”, Штерн – беретту, Ольга – миниатюрный дамский браунинг.

Дали залп над могилами, после чего Эммануэль громко разрыдался. Гарин взял его на руки и посадил в корзину. Сильвио перекрестился и поцеловал оба могильных камня. Джастин поклонился им, Владимир погладил камни, про-

бормотав: “Это не я”, Дональд ударил по камням кулаком, прорычав: “Ashes to ashes!”, Ангела с привычным вздохом произнесла: “Ruhet in Frieden, meine Lieben²⁴”.

Расселись по корзинам и отправились дальше. Пили воду и жевали в дороге, не останавливаясь. И дошли до реки Катунь. Место для брода пришлось искать интуитивно: мёртвые без сети мобильники не смогли помочь.

– Господи, благослови! – громко произнёс Гарин и положил ладонь на гладкую, всегда прохладную голову маяковского. – Вперёд! Медленно! Осторожно! Бережно!

Маяковский стал медленно входить в мутно-белёсую, шумную реку. Корзина закачалась. Робот погрузился по пояс, вода забурлила вокруг. Опершись о пластиковые края корзины, как о спортивные брусья, Маша подняла ноги, поджала. Вода хлынула в корзину, стала подниматься. Маяковский ступал осторожно, погружаясь всё глубже. Остальные пятеро с седоками стояли на берегу. Вода дошла маяковскому до груди, корзина закачалась сильнее. От воды запахло льдом, высокогорьем. И она была ледяной, обожгла холодом Машины ноги. Гарин стоял неколебимо, погружаясь в поток. Чертыхнувшись, Маша вскарабкалась на плечи маяковскому, обхватила его голову. Гарин обнял Машу рукой. Маяковский шёл дальше, погружаясь глубже. На середине реки его плечи скрылись под водой.

– Гарин, меня смывает... – простонала Маша, обхватывая

²⁴ Покойтесь с миром, дорогие мои (нем.).

Гарина за шею.

– Держитесь! – проревел Гарин.

Маяковский погрузился по уши. Белёсые волны захлестнули седоков, корзина заходила ходуном. Маша вскрикнула, Гарин держал её.

Маяковский остановился.

– Вперёд! – проревел Гарин.

Маяковский стоял в бурном потоке. Гарин наклонился и прорычал в его полузатопленное огромное ухо, как в морскую раковину:

– Вперёд, мать твою!!

Маяковский двинулся дальше. Вода стала захлестывать его голову. Он ступил ещё, ещё, ещё, погружаясь глубже. На поверхности оставался только кладкий кумпол головы, на котором, словно в насмешку, играло весеннее солнце.

– Гарин... это не брод... – простонала Маша, отворачиваясь от клокочущей вокруг, брызжущей воды.

Платон Ильич сжал её так, что она застонала.

Маяковский шагнул, чтобы совсем погрузиться в пучину. Но не погрузился.

– Неси... шагай... бога... мога... тырь... – зло простонала Маша, заплетаясь языком.

Маяковский шагнул ещё, ещё. И стал подниматься над потоком. Гарин облегчённо разжал стальные объятия. Почувствовав брод, SOS-3 зашагал уверенней, солнце ободряюще заблестело на его могучих пластиковых плечах. Вода отхлы-

нула вниз. И через пару минут робот вынес их на каменистый, залитый солнцем берег.

С противоположного берега заплодировали.

– На колени! – приказал Гарин.

Улыбающийся маяковский опустился на колени. Гарин высадил Машу из корзины, приложил ладони ко рту и закричал оставшимся:

– Одних бути в корзинах нельзя переправлять! Смоет! Со-про-вож-дение!!

Медики кивнули. И стали распределять рб по корзинам: по двое на каждого медика.

– Боюсь, я не удержу их!! – крикнула Пак Гарину.

– Кому-то придётся вернуться, – подсказал Штерн.

– Как в задачке про козла, волка и капусту... – зло усмехнулась Маша, снимая мокрые штаны.

– Я возвращаюсь!! – прокричал Гарин.

И он вернулся на своём маяковском и взял в корзину Эммануэля и Джастина. Переправились благополучно, хотя бути и наглотались ледяной воды, карабкаясь от неё по сопровождающим, а кота Штерна чуть было не поглотила стремнина. Но у последнего, багажного маяковского всё-таки смыло сумку Маши и мешок с консервами.

– Не будем делать из одежды культа! – усмехнулась Маша, вешая свои мокрые штаны на край корзины.

– У вас там было всё нужное? – спросил Гарин, выжимая свою куртку.

– Нужное рядом. – Она ткнула Гарина пальцем в живот. – Ваш смартик waterproof?

– Понятия не имею... – Гарин вытащил из мокрого кармана свой FF40, глянул. – Работает! Но сети нет. Карт нет. Только компас.

– Я знаю, что до Барнаула от санатория 197 километров. – За два дня мы прошли уже двадцать восемь! – подсказал Штерн, услышав их разговор.

– Маяковские широко шагают. – Осталось совсем немного! – рассмеялась голая субтильная Пак, выжимая свою одежду.

– Вы мальчик или девочка? – спросил её прыгающий на ягодицах по камням Дональд и захохотал.

– Дональд – мастер риторических вопросов. – Штерн сощурился на солнце, успокаивающе поглаживая мокрого кота. – Как же хорошо, что солнышко припекает, не замёрзнем, Эхнатончик... А мой платок смыло с головы!

– А мою шляпку – нет! – похвасталась Пак. – Задерживаться тут не станем! Двинемся дальше! – объявил Гарин.

Его нательная майка, напоминающая головной убор бедуинов, чудом не уплыла. Только теперь он снял её с головы и отжал.

– Может, всё-таки разведём костёр и обсушимся? – предложила Ольга, раздеваясь и обнажая своё пухлое татуированное тело.

– Обсохнем по дороге! Солнце сильное! – ответила ей полуголая Маша, надевая пояс с кобурой и залезая в корзину к Гарину. – Вперёд, богатырь!

Маяковский выпрямился. Бути тем временем разбрелись по берегу: Эммануэль рвал редкие цветы, Джастин свистел и швырял камни в бурную реку, Ангела долго и прерывисто мочилась, Дональд прыгал по камням, Владимир учил Сильвио играть в ладушки.

– Это не я, это не я! – давал он советы другу.

– По ро-бо-та-а-ам! – проревел Гарин.

Все стали рассаживаться по своим маяковским. Стоя в корзине, как на капитанском мостике, Гарин оглянулся. Горы с белыми, слепящими глаза вершинами остались позади. Впереди раскинулся другой ландшафт: возвышались покрытые ёлками и пихтами пологие сопки, а совсем на горизонте голубели леса и зеленела далёкая равнина.

Маяковские повставали с колен и со своими неизменными улыбками, широко и точно шагая, понесли седоков дальше.

Не прошли и десяти километров, как наткнулись на группу беженцев, расположившихся на привал у обочины просёлочной дороги. Завидя путников на маяковских, они встали, пошли навстречу и стали просить по-русски и по-алтайски взять их с собой. Гарин приказал роботам остановиться, спешил. Беженцы обступили его. Из разговора с ними вы-

яснилось, что они не животноводы, как сперва подумал Гарин, а потомственные часовщики-инвалиды, занимающиеся редким промыслом – изготовлением каменных часов. Ядерный взрыв разрушил три их дома в горах, убил двоих взрослых и одного ребёнка. Оставшиеся спешно погрузились на ослов и отправились в Барнаул. Поначалу ехали по шоссе, но вскоре высадился казахский десант, началась перестрелка с республиканской гвардией, что заставило часовщиков свернуть на просёлочную дорогу. Грузённые поклажей ослы шли медленно, кустари боялись, что умрут в дороге от радиации, пока доберутся до города. Гарин успокоил их, объяснив, что ветер переменился и им не стоит бояться радиоактивного заражения.

– Ваше превосходительство, во имя солнечного света, возьмите нас! – умолял седовласый патриарх клана горных часовщиков, ползая на коленях перед Гариным.

Остальные тоже стояли на коленях.

– Встаньте! – приказал им Гарин.

– Не можем, не можем! – радостно-виновато улыбался старик. – Коли б могли, давно бы были в Барнауле.

Оказалось, что их наследственная семейная болезнь – остеомалация, размягчение костной ткани ног, пришедшая, как они объяснили, на Алтай ещё в XVIII веке из Италии.

– Был в Мантуе герцог Винченцо Гонзага, который с юности питался только тушёным мясом и полентой, – объяснял старик, ползая перед Гариным. – От этого, ваше превосход-

тельство, у него стали постепенно размягчаться кости ног, и вскоре он сам уже не был в состоянии сесть на коня. Его жена ела ту же пищу, и у неё началось то же самое. Их дочь и сын родились с таким же недугом. И его сын, Гульэльмо, совершил грех, влюбившись в свою родную сестру Констанцию и переспав с ней. Это открылось, и чтобы избежать родительской кары, любовники бежали из Мантуи сперва в Австрию, потом в Персию, а потом на Алтай к зороастрийцам. Там их обвенчали по зороастрийскому обряду. С тех пор в нашем роду рождаются дети исключительно с таким недугом. Ходить не могут. Могут только сидеть или ехать на ком-нибудь.

“Однако какое сходство с *pb!*” – подумал Гарин и переглянулся с Машей.

Она кивнула, поняв его взгляд, и скривила губы в сторону бути. Те с интересом смотрели на инвалидов сверху из корзин.

– И что же, сидя ваши предки стали делать часы? – продолжил Гарин.

– И они стали делать часы, ваше превосходительство. Каменные! Без единого миллиграмма железа.

– А пружина?

– Не нужна! Гирьки-противовесы. Антонио! Покажи-ка наши уникальные часы, сынок! – приказал патриарх.

Его интеллигентная речь импонировала Гарину. Его сын, тоже совсем седой, подполз к нагруженному двумя сундуками ослу, достал часы и передал отцу. Патриарх с покло-

ном протянул часы Гарину. Они были тяжёлые, размером с грейпфрут, и представляли собой затейливую избушку с циферблатом и окошком. Крыша, бревна, наличники, стрелки, циферблат, олени рога, труба – всё было каменное и переливалось оттенками горных пород. Две каменные шишки болтались рядом с избушкой на каменных цепочках.

– Извольте дёрнуть за правую шишечку, ваше превосходительство! – посоветовал патриарх.

Гарин дёрнул. Окошко открылось, и гранитная кукушка трижды прокуковала странноватым скрипучим голосом.

– Какая подробнейшая работа! – удивился Гарин. – И от них... чем-то приятным пахнет. Что это?

– Каменное масло, ваше превосходительство.

– Каменное масло? Нефть, что ли?

– Ну что вы! Нефть – грязь по сравнению с каменным маслом. Это драгоценное масло, образовавшееся за сотни миллионов лет в горных пещерах. Найти его – великое искусство. Масло не только смазывает механизм наших часов, но и распространяет живительный, омолаживающий аромат.

– Замечательно! – Гарин показал часы седокам.

– Сколько же вы изготовили этих часов? – спросила Маша.

– За два века всего сто девяносто четыре штуки, моя госпожа, – улыбался патриарх. – На один экземпляр уходит полгода кропотливой работы. Они невероятно дорогие. Наши часы в коллекциях у богатейших людей мира, у политиков,

магнатов. И у всех правителей Российской империи, Николая II, Ленина, Сталина, Брежнева, Горбачёва, в кабинетах висели наши часы. Это были наши подарки властям. Часы висят и у президента АР! Если он, конечно, ещё жив...

Гарин показал часы Владимиру:

– А вам это уже не дарили?

– Это не я! – ответил тот.

– Ваше превосходительство. – Старик прижал руки к груди. – Я подарю вам эти часы, только возьмите нас с собой! Мы здесь погибнем!

– Вы не погибнете, – заговорила Пак. – Если вы боитесь радиации – напрасно. Во-первых, ветер сейчас северо-восточный, во-вторых, в современных ядерных бомбах остаточная радиация не очень сильна. Они теперь “чистые”. Я была свидетельницей трёх ядерных взрывов и жива до сих пор и здорова.

– Я жив после двух! – добавил Штерн.

– А я – после полутора! – засмеялся Гарин.

– Ядерная бомба – это уже рутина жизни, – презрительно усмехнулась Маша.

– Не стоит её бояться.

– Вас... двенадцать, – сосчитал Гарин. – А мы и двух не можем взять: мест нет, как видите.

– Возьмите хотя бы одного из нас!

– Одного? Кого именно?

– Моего внука Анания! Если все мы погибнем по дороге,

он сохранит секрет изготовления каменных часов. Ананий!

Молодой человек лет семнадцати с продолговатым, неприветливым прыщавым лицом нехотя подполз к Гарину.

– Возьмите, ваше превосходительство! – Старик схватил руку Гарина, пытаясь поцеловать её.

– Но, но, любезный... – Гарин отдёргнул руку, перевёл взгляд на своих. – Сыщется место для Анания?

Пак перевела его слова бути.

– Найдётся! – закричали Дональд, Сильвио и Джастин.

– Это не я! – улыбался Владимир.

– Потеснимся! – Голая Ольга с венком на голове подмигнула Ананию.

– Только не в нашей корзине, – скривила губы Маша.

– Одного берём! – кивнул Гарин.

– О, благодарю тебя, великий Ахура-Мазда! – возопил старик, отворачиваясь от Гарина к солнцу и простираясь ниц.

Остальные беженцы повторили за ним. Ананий совершил ритуал солнцепоклонства с явной неохотой.

Ему быстро собрали объёмистую походную сумку, куда уложили еду, одежду, воду, короткоствольный автомат с запасными рожками и каменные часы в кожаном футляре. К сумке пристегнули складную инвалидную коляску японского производства. Дональд потребовал, чтобы Ананий ехал с ним. Его маяковский присел с улыбкой, часовщики закинули сумку, а Гарин помог Ананию перевалить худое тело че-

рез борт корзины. Ноги юноши были тонки и болтались, как плети. Дональд хлопнул его по плечу:

– Hi, I'm Donald!

Ананий сумрачно глянул на Дональда:

– А вы... топс-попс? Привет.

Он говорил только по-русски и по-алтайски.

– Вперёд! – скомандовал Гарин.

Под прощальные возгласы часовщиков трёхметровые маяковские выстроились цугом на север и широко, равномерно зашагали.

За два с половиной часа пути пейзаж резко изменился: сопки сгладились, лес стал смешанным, прибавилось молодой травы и разнообразных по красочной палитре первоцветов. Солнце по-прежнему сияло на безоблачном небе и грело ещё холодную землю. Во время пути слышалась поначалу далёкая, а потом и близкая канонада, долетал треск пулемётов. Однажды позади, на юго-западе что-то тяжело и гулко ухнуло, словно во сне выдохнул огромный каменный великан.

Медики часто оглядывались на великолепные, залитые солнцем горы, незаметно удаляющиеся с каждым шагом маяковских, понимая, что этой ослепительной красоте уготована судьба навсегда отодвинуться в прошлое и остаться за спиной, как и всему, что связывало их с санаторием.

Перешли вброд неширокую и неглубокую речушку такого же грязно-молочного цвета, как и Катунь, взошли на поло-

гий холм, поросший ещё совсем молодой травой и первоцветами: нежно-сиреневой сон-травой, пурпурно-лилово-розовым кандыком и белой, похожей на ромашку ветреницей.

Взойдя на цветастый холм, Гарин уже поднял было руку, чтобы скомандовать привал, но замер, заметив что-то впереди. Пять других маяковских подошли и встали. Впереди у подножия холма раскинулась просторная, окружённая лесом равнина, в центре которой виднелись деревянные вышки, забор с колючей проволокой и типично лагерные постройки за ним.

– Лагерь? – удивлённо оттопырил губы Гарин.

– Я как-то раз смотрела, здесь где-то есть поселение анархистов, – сказала Маша, стягивая со вспотевшей головы свою “тибетскую” шапочку.

– Это лагерь! – сощурился Гарин. – Место порядка, а не анархии.

– Может, у них есть сеть? – спросила Маша.

– Или хлеб? – оттопырил губу Штерн.

– Я бы не отказалась и от лагерной похлёбки! – По-прежнему голая Ольга отшвырнула надоевший ей венок.

– Будьте осторожны с весенним солнцем, – посоветовала ей Пак.

– Hey, guys! We're damn hungry! – выкрикнул Дональд.

– We too! Si, fratello? – Сильвио хлопнул Владимира по плечу.

– Это не я! – кивнул тот.

– Ja, ich habe auch schrecklich Hunger²⁵ ... – широко зевнула Ангела.

– Подойдёмте к ним, а там посмотрим, – решил Гарин. – Вперёд!

Они спустились с холма и, быстро прошагав по весенней, пестро цветущей долине, подошли к воротам лагеря. Они были трёхметровыми, деревянными, как и забор, огораживающий лагерь. Над забором вилась и блестела новенькая колючая проволока.

– Цзыю, – прочитала Пак два синих иероглифа на воротах.

– Свобода? – перевёл Гарин.

– Да.

– Так лагерь называется?

– Возможно.

С вышки, где торчал пулемётный ствол, их окликнули по-алтайски. Полиглотка Пак ответила на своём приблизительном алтайском. Вахтенный перешёл на китайский. Пак быстро представилась ему.

– О, нам как раз нужны врачи! – воскликнул вахтенный. – Наша мать Анархия заболела.

Прошли несколько долгих минут, прежде чем ворота отворились. Гарин скомандовал маяковскому, и тот вошёл на территорию лагеря. Остальные последовали за ним. Четверо вооружённых автоматами молодых длинноволосых людей приказали путникам спешиться. Подбежали три боль-

²⁵ Я тоже ужасно голодна (нем.).

шие лохматые псины и залаяли на чужаков. Пока это происходило, прибывших обступили и другие люди. В основном они были молоды, разнообразно-легко одеты, и многие с огнестрельным оружием. Рослый парень с синими волосами и мормолоновой скулой приблизился и спросил по-китайски:

– Кто из вас врач?

– Мы все врачи, – отвечала Пак.

Он окинул вызывающим взглядом Гарина и Штерна:

– Австралийцы?

– Русские, – ответил Гарин.

– Русские врачи? – Со щелчком он поднял сверкающую на солнце мормолоновую бровь, переходя на плохой русский. – Что вы делаете на Алтае?

– Лечим. Вернее – лечили.

– Кого? Офицеров республики?

– Бути.

– Мы из санатория “Алтайские кедры”, – заговорил Штерн, держа на груди пугающегося собак кота. – Его разрушило ударной волной. Мы идём в Барнаул.

– Какой ударной волной?

– Был ядерный взрыв, началась война!

– Какая война?

– Вы не слышали взрыва? Вчера утром?

– Нет. Ну, был какой-то гром...

– Это война! Казахстан напал на Алтайскую Республику.

– Нас это не касается.

Парень с недовольством глянул на притихших бути.

– Официальные языки лагеря “Свобода” – китайский, казахский и английский, – сказал он. – На языке русских империалистов у нас говорить запрещено.

– Империалистов? – спросил Гарин. – И где же русская империя?

– У них давно уже нет империи, но их язык по-прежнему несёт в себе империализм, насилие и угнетение. Этим языком в своё время они угнетали двух наших великих учителей. – Он перешёл на превосходный английский. – Прежде всего, подойдите к ним и поклонитесь.

В центре лагеря возвышался монумент с двумя бородастыми людьми в одежде прошлых веков. Вокруг монумента росли цветы.

– Ступайте! – мотнул головой парень. – А потом вы окажете нам помощь.

– Вы нас просите или приказываете? – спросил Гарин.

Парень мгновенно выхватил большой старомодный револьвер из кобуры на бедре и навёл на Гарина:

– Прошу! Очень.

Гарин выдержал паузу и заговорил спокойно:

– А ежели вы просите, молодой человек, тогда распорядитесь, чтобы сперва нашим маяковским задали корма, а нам продали еды и питья. После чего мы будем чрезвычайно рады оказать вашей богине медицинскую помощь.

Мгновенье парень держал свой револьвер, затем неохотно

убрал его.

– У нас нет врачей, – произнёс он зло. – А деньги в лагере запрещены.

– Мы расплачиваемся взаимными услугами, – добавила мускулистая загорелая девушка.

– Договоримся! – кивнул бородой Гарин.

– Что едят ваши роботы? – спросил другой парень, коренастый, с голым черепом.

– Все белковые соединения. В принципе, их можно кормить и отбросами.

– С отбросами у нас сложно, мы содержим коз, орлов и панголинов.

– Ну хоть что-то остаётся?

– Они едят говно? – спросила девушка, подходя к улыбающемуся маяковскому и хлопая его по символическим пластиковым гениталиям.

– Детритофагия у них ведь в программе? – вопросительно оттопырил губу Штерн.

Гарин кивнул.

– Пойдём, я накормлю тебя! – Девушка ткнула маяковского кулаком в рельефный живот.

Гарин приказал остальным маяковским следовать за девушкой.

– А вам всё-таки придётся поклониться великим, – произнёс мормолоновый. – Ритуал!

– Ну хорошо, – согласился Гарин.

- Только умоляю, уберите собак, – попросил Штерн.
- У вас есть сеть? – спросила Маша.
- Мегамерзостями не пользуемся.

Собак отозвали. Прибывших отвели к монументу. В окружении турнюра с алтайскими цветами возвышались две бородатые, лысоватые фигуры в человеческий рост, вылепленные из необожжённой глины. На постаменте виднелись две надписи, выложенные из иссиня-чёрного лабрадора: BAKUNIN и KROPOTKIN. Возле постамента на земле сидели молодые люди, взявшись за руки и образуя живую цепь. Крайний из них приложил свою ладонь к монументу. Цепь человеческая уходила в другой конец лагеря.

– Поклонитесь великим предтечам мирового анархо-коммунизма! – громко произнёс мормолоновый и склонил си-неволосую голову.

Гарин нехотя кивнул своим массивным голым черепом, Маша поклонилась в пояс, Пак встала на одно колено, Ольга и Штерн склонили головы, а бути стали качаться на ягодичках, словно куклы-неваляшки.

– Уважаю, читала в университете! – громко произнесла Пак, вставая.

– Достойные, – произнесла Маша.

– Они сильно пострадали за свои идеи, – сказал мормолоновый.

– Слезами залит мир безбрежный... – пробормотал Гарин, оглаживая бороду и косясь на цепь человеческую. –

Уважаемый, в лагере найдётся табак? Мои папиросы промокли.

– Найдётся. Айриша, сверни ему!

– Просто с табаком? – усмехнулась девушка. – Мы *просто* не курим. Хотите травки или анаши?

– Нет, дорогая, мне просто с табаком. – Гарин протёр пенсне и осмотрелся.

Лагерь был обширным, с шатрами, постройками, летними кухнями, лежаками и длинными бараками. Повсюду бродили, лежали или что-то делали молодые люди.

Вскоре Гарин с наслаждением затягивался самокруткой.

– А теперь, доктор...

– Гарин, – подсказала Маша, забирая у Гарина самокрутку и затягиваясь.

– ...доктор Гарин, прошу вас, помогите нашей матери Анархии.

– Женщина?

– Да.

– Возраст?

– Вечность.

– Ясно. Ведите, молодой человек.

– Меня зовут Самуил. Пойдёмте!

Пятеро медиков отделились от бути и пошли с Самуилом. Тот двинулся вдоль сидящих на земле и сцепившихся руками.

– Она мучается животом уже шестой день, – сообщил Са-

муил. – Это большая беда для всех нас.

– Рвота, понос?

– Тошнота.

– Как со стулом?

– Никак.

– Слабительное давали?

– У нас запрещены лекарства и медицина внешнего мира.

Давали горные травы, мёд и козье молоко.

Самуил подвёл их к большому шатру, переливающимся живородящим шёлком золотистых оттенков. Возле шатра заканчивалась цепь человеческая. Крайняя девушка сидела, приложив ладонь к шатру.

– Коллеги, я осмотрю больную, если понадобится ваша помощь – позову, – сказал Гарин.

Самуил приподнял шёлковую ширму.

– Проходите. – Самуил сделал жест рукой.

Гарин нагнулся и вошёл в шатёр. Внутри золотистого шатра было темно, прохладно и двигались звёзды. После яркого солнца Гарин остановился, привыкая к темноте. Звёздыплыли по потолку, полу и по Гарину. Присмотревшись, он различил в темноте большие куски каких-то чёрных плоских камней. На одном лежало что-то светлое. Гарин приблизился, присел на корточки. На камне, по которому плыли вереницы звёзд, лежало крошечное одеяло, размером с книгу. Одеялом было что-то накрыто. Приглядевшись, Гарин различил рельеф маленького человеческого тела, поместивше-

гося под одеялом.

– Good afternoon, Mother Anarchy, – произнёс он.

Скрытое тельце заворочалось, верхняя часть одеяла откинулась. Но Гарин ничего не увидел. И вдруг показались два крошечных глаза. Белки их светились в темноте. Раздался слабый стон маленького существа. – Good afternoon, – произнёс тоненький, но очень приятный голос маленькой женщины.

– How are you? What seems to be the matter?

Невидимая женщина прикрыла глаза. Потом открыла и заговорила на хорошем английском:

– Баланс моего внутреннего космоса нарушен. Мир мегамерзостей готов поглотить меня. Он отнимает меня от братства Свободных. Свободный мозг подсказывает, что я не переживу этого дня.

– Что вас беспокоит?

– Мой живот, вместилище земной пищи. Уже шестой день он отказывается мне служить.

– Боль?

– Да.

– Тяжесть?

– Да.

– Тошнота?

– Да.

Двумя пальцами Гарин осторожно снял с неё одеяло. Но ничего, кроме сверкающих белками глаз, не увидел.

– Сударыня, нельзя ли сменить ночь на день?

– Да, конечно. День! – приказала она.

Вспыхнуло солнце на голубом небе. Гарин зажмурился.

А когда открыл глаза, увидел маленькую, с куклу Барби, обнажённую и невероятно красивую женщину, лежащую на монолите иссиня-чёрного лабрадора, переливающегося на искусственном солнце. Женщина была цвета тёмного шоколада. Белки её миндалевидных глаз сверкали. Пропорции крошечного тела были обречены вызывать восхищение. Чуть вытянутое лицо на тонкой шее заставило Гарина вспомнить бюст царицы Нефертити в берлинском Пергамоне. Её крошечные полные груди воздымались при дыхании. Смоляные волосы красиво кудрявились на голове. Живот выдавался, как у беременных.

– Вы не беременны, сударыня? – спросил Гарин, наводя пенсне на чудесное существо.

– Я рожая только идеи, – устало улыбнулась она, суча ножками.

– Болит?

– Да.

– Я знаю, как помочь вам, – выпрямился Гарин. – Ждите меня!

Он вышел из шатра на настоящий дневной свет. Медики и Самуил стояли неподалёку.

– Какие травы у вас есть? – спросил Гарин.

– Обилие горных трав! – ответил девушка.

– Заварите мне стакан календулы, – распорядился Гарин. – И найдите соломинку покрепче.

Через некоторое время Гарин с соломинкой и плоской бараньего жира, Маша со стаканом заваренной календулы, кувшином тёплой воды, полотенцем и керамической чашей вошли в шатёр.

– Goddess! – восхищённо прошептала Маша, увидя лежащую на лабраторе.

– Сударыня, встаньте на колени, – приказал Гарин больной.

Та приподнялась со стоном на коленях.

– Теперь опуститесь ниц.

Она исполнила это с непередаваемым изяществом.

– И потерпите немного.

Гарин зачерпнул топлёный бараний жир мизинцем и осторожно смазал прелестные миниатюрные ягодицы и между ними. Затем так же бережно вставил соломинку богине в анус. Маша подала стакан. Он набрал в рот половину, взял конец соломинки в свои мясистые губы и, нещадно раздувая брыластые щёки, принялся вдвухать настой в богиню. Лицо его стало угрожающим.

Она застонала.

– Calm down! – Маша поглаживала её двумя пальцами по изящной шоколадной спинке.

Вдуч всё, Гарин бережно вытянул соломинку из крошеч-

ного ануса.

– А теперь, дорогая моя, ложитесь на левый бок.

Богиня со стоном повиновалась. Гарин накрыл её одеяльцем.

– Маша, прочтите нам что-нибудь духоподъёмное.

– Once upon a midnight dreary, while I pondered weak and weary... – начала Маша, поглаживая лежащую.

Но не успела она дойти и до трети великой поэмы, как богиня подняла изящную голову:

– О нет...

– Да, сударыня, да! – удовлетворённо тряхнул бородой Гарин, стягивая с неё одеяльце.

– О нет, нет... – Богиня засучила длинными, широкобёдрыми ножками.

Гарин подхватил её и перенёс в чашу:

– Свободно, сильно и легко!

Из прелестницы обильно хлынуло в чашу. И запахло поносом вполне человеческого размера. Гарин и Маша с улыбкой переглянулись.

Золотой полог поднялся, и Гарин вышел из шатра с сидящей на своих сведённых вместе ладонях богиней. Вымытая и по-прежнему обнажённая, она приветливо улыбнулась полными губами и подняла тонкие ручки. Толпа радостно взредела:

– Анархия!

К богине побежали, потянулись руки. Гарин поднял её повыше. Она стала касаться рук своими ручками. Её прелестное лицо было усталым и довольным, пухлые большие губы что-то шептали. Подскочили две девушки с мраморной доской, помогли Анархии пересесть на неё. Стоять ещё она не могла и сидела на бело-розовой доске в очаровательно беспомощной позе, запрокинув голову на тонкой шее и шевеля губами.

– Благодарю вас, доктор Гарин! – Мормолоновый Самуил стиснул руку Платона Ильича.

– Что-то я проголодался, молодой человек. – Привычно наморщив большой нос, Гарин сбросил пенсне в руку и принялся протирать не очень чистым платком.

– Да и все мы что-то проголодались, – презрительно усмехнулась Маша.

– Голод не снег, Мария, – угрожающе произнёс Гарин.

– Думаете?

– Уверен! – прорычал он.

И громоподобно захохотал.

Вечером в лагере “Цзыю” был устроен праздник в честь выздоровевшей Анархии. В центре, на площади горел огромный костёр. Вокруг него плясали и водили хороводы. Звучала ритмичная музыка. Пили самогон, курили травку и анашу, ели хлеб и жареную козлятину. Анархия отдыхала в своём шатре. Бути выпили и расслабились, слились с моло-

дѣжной толпой, танцевали и вели пьяные дискуссии. Дональд дурачился, забавляя анархистов. Штерн не пил, сидел со своим котом, с улыбкой глядя на происходящее. Ольга накурилась травки, разделась и танцевала с парнями и девушками у костра. Пак захмелела и быстро пошла спать. Часовщик Ананий быстро нашѣл себе полненькую подружку и танцевал с ней, выделявая пируэты на инвалидной коляске. Гарин и Маша возлежали на китайском кане, убранном алым покрывалом и разноцветными шѣлковыми подушками. На низком столе стоял кувшин с самогоном и лежала сильно пережатая козлятина.

Гарин выпил самогона и впервые за эти трое суток расслабился. Нос его вспотел и покраснел. Пламя костра дрожало в стѣклах пенсне.

– Если вы анархисты, зачем вам колючая проволока и вышки с пулемѣтами? – спросил он Самуила.

– Для выживания мы обязаны защищать чистоту анархистской идеи от внешних мерзостей, – ответил тот, словно читая пособие.

– Анархисты – соль земли! – гордо добавила его подруга.

– Зачем держать соль в солонке?

– Чтобы не растворилась в мерзостях мира.

– Не согласен! – Гарин увесисто шлѣпнул ладонью по столу. – Ваша соль должна солить мясо жизни.

– Этого мяса стало слишком много, – возразил Самуил, затянувшись косячком и передавая подруге.

– И оно в основном тухлое! – добавила подруга и расхохоталась.

– Не думаю, что Бакунин и Кропоткин одобрили бы это, – покачал головой Гарин.

– Они солили мясо жизни собой, – добавила Маша.

– Тогда было что солить, – возразил парень.

И они с подругой снова засмеялись.

– Ведь нынешний мир уж давно погружён в анархию, – продолжал рассуждать вслух Гарин. – Зачем вы отделяетесь от него?

– Анархия анархии рознь, доктор, – заметил Самуил. – Особенно здесь, в АР.

– Наша анархия чиста и невинна. – Девушка сняла через голову вспотевшую майку, обнажая грудь. – А во внешнем мире уже тридцать лет царит анархия насилия.

– Анархия насилия, – кивал Самуил, поблёскивая мормононовой скулой.

– Наша анархия сладкая, а у них – горькая. – Девушка с улыбкой легла на колени к Самуилу.

– Вы что-нибудь берёте от внешнего мира? – спросила Маша.

– Фрукты для самогона, хлеб, живородящую материю, сухой бензин для генератора.

– У вас же нет денег, чем платите?

– Услугами, услугами, – улыбалась девушка.

– Или просто забираем, – добавил Самуил, лаская грудь

девушки. – Экспроприация. Но без насилия.

– Воровство? – огладил бороду Гарин.

– Мягкая экспроприация.

Девушка положила руку на широкое запястье Гарина:

– Не пора ли предаться мягкому, доктор?

Гарин не успел ответить, как музыка вдруг прекратилась. И раздался протяжный переливчатый звук. Он вызвал у пляшущей толпы вопль восторга. Все тут же притихли. Только пламя костра ревело и трещало.

– Братья и сёстры! – раздался усиленный динамиками голос Анархии. – Болезнь и слабость. Испытание и муки. Страдание и боль. Терпение и сосредоточие. Преодоление и преодоление. Выздоровление и преображение. Возвращение и успокоение. Сила и радость. Здесь и теперь.

– Здесь и теперь! – повторила толпа.

– Внешняя дисгармония. Внешнее несовершенство. Внешнее напряжение. Внешнее безразличие. Внешние угрозы. Здесь и теперь.

– Здесь и теперь!

– Внутренний путь. Внутренний мир. Внутренняя сила. Внутренняя радость. Здесь и теперь.

– Здесь и теперь!

– Наша жизнь. Наша свобода. Наше братство. Наше единство. Здесь и теперь!

– Здесь и теперь!

Анархия смолкла. Толпа молодёжи замерла вокруг кост-

ра.

И ожил голос Анархии:

– Наша любовь. Здесь и теперь.

– Здесь и теперь!!! – заревела толпа.

Все пришли в движение, бросились ближе к костру, образуя плотный круг. Он стал разделяться на два круга, один внутри другого. Молодые люди принялись быстро раздеваться. Из сияющего золотого шатра две обнажённые девушки вынесли на беломраморной доске Анархию, внесли в промежуток между кругами и медленно двинулись по этому промежутку. Чёрная, лоснящаяся от света пламени Анархия стояла на доске, положив левую руку на грудь, а правую на чресла, запрокинув красивую голову. Полные губы её были приоткрыты, а глаза закрылись. Доску опустили на уровень гениталий стоящих. По молодым телам, освещённым сполохами костра, пошли конвульсии. Все принялись ожесточённо мастурбировать. Раздались мужские стоны, женские всхлипы и вскрики. И не успела мраморная доска с Анархией завершить круг, как первая сперма брызнула на белый мрамор и тёмное тело. Вскрики, стоны и причитания слились с рёвом пламени. Гарин заметил в круге Анания на инвалидной коляске; его подруга мастурбировала ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.